

Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском обществе

Илья Кукулин

Кандидат филологических наук, доцент школы культурологии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ikukulin@hse.ru

В статье продемонстрирована односторонность в описании социальных сетей в советском обществе, которая исподволь сложилась в исторических и социологических исследованиях последних десятилетий. Под «социальной сетью» в социологии обычно понимается совокупность ближних и дальних знакомств, связывающих между собой людей в конкретной местности или социальном кластере. Применительно к российскому обществу социологи и политологи чаще всего пишут о сетях блата, теневой экономики, неформальных связей, «разъедающих» современные институты и препятствующих модернизации. По-видимому, и в позднесоветском, и в современном российском обществе существовали сети многих других типов, однако они изучаются гораздо реже и никогда — систематически. Причин, по которым возникло это «слепое пятно», минимум две: 1) большое политическое значение и специфическая организация «антидисциплинарных» сетей в позднесоветском и постсоветском обществе и 2) сложная комбинация модернизационных и контрмодернизационных тенденций в развитии СССР, удачно «схваченная» термином Анатолия Вишневского «консервативная модернизация». Описание взаимодействия этих тенденций требует уточнения некоторых положений современных теорий социальных сетей. Для примера рассмотрены ограничения, которые встречается при рассмотрении советского общества концепция Харрисона Уайта.

Ключевые слова: социальные сети, позднесоветское общество, блат, теневая экономика, Харрисон Уайт, дисциплинарное государство, консервативная модернизация

1

Задача этой статьи — выявить скрытое противоречие, существующее между теоретической социологией и социологическим осмыслением позднесоветского и современного российского общества. Точнее, между тем, как в современной теоретической социологии осмысливается функционирование социальных сетей — и тем,

© Кукулин И. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-136-173

* Статья выполнена в рамках проекта ШАГИ РАНХиГС «Изоляционизм и советское общество: ментальные структуры, политические мифологии и культурные практики (1946–1985)» (2017). Благодарю анонимного рецензента «Социологического обозрения» за ценные замечания, которые очень помогли при доработке статьи.

как в исследованиях России описывается «работа» сетей в советском и постсоветском социуме.

Термин «социальная сеть» (social network), по существу, является омонимом, так как описывает три феномена, лишь частично совпадающие между собой.

Первый — это социальные сети «вообще», в том смысле, в котором этот термин в 1954 году ввел британский антрополог Джон Эрандел Барнс, описывая систему отношений жителей небольшого норвежского острова (Barnes, 1954): совокупность ближних и дальних знакомств, связывающих между собой людей в конкретной местности или социальном кластере. По мере развития социологии уже в 1960-е годы стало понятно, что каждый человек включен не в одну, а во множество социальных сетей, имеющих разную функцию: дружеские, профессиональные, основанные на хобби, на совместной вовлеченности в общественную деятельность и т. п., и индивиду в этом случае приходится постоянно «переключаться» между ними. Сеть — это открытая и нестабильная структура, не имеющая постоянного «членства», в этом смысле она отличается от сообщества или от группы, связанной общими целями, ценностями, ощущением принадлежности, часто — позитивным переживанием этой принадлежности (Bruhn, 2011: 12–13). Сеть не накладывает на вовлеченных в нее индивидов подобных психологических «обязательств». Гибкость сети и ее способность «подстраиваться» к быстрым изменениям может быть противопоставлена социальным институтам, которые функционируют на основании известных правил, в ряде случаев регулируемых законодательными актами.

Второй смысл сети — это информационная система, позволяющая людям передавать друг другу сообщения, изображения, аудио- или видеозаписи. Примеры такой сети — social media, платформы для общения, ставшие одним из важнейших элементов Web 2.0: Facebook, Twitter и так далее. В этих сетях каждый участник представлен одним или несколькими аккаунтами, которые являются его/ее «голом», инстанцией передачи информации.

Начиная с 1990-х годов, когда началась экспансия Интернета, социологи говорят о том, что в современном мире стремительно растет роль сетевых отношений в обоих описанных выше смыслах: и сетевых связей в обществе, и электронных сетей. Электронные сети оказались идеальной технической основой для изменения общества, в котором горизонтальные связи *ad hoc* все больше оказываются востребованы для реализации локальных, временных проектов (Болтански, Кьяпелло, 2011). Целый ряд социологов полагает, что вообще в современном мире замкнутые социальные структуры изучать невозможно и следует говорить только о сетевых (Урри, 2012). Социальный мыслитель Мануэль Кастельс еще в 1996 году выпустил книгу «Восход сетевого общества», которая впоследствии вошла в состав его трилогии «Информационный век» (Castells, 2010). Кастельс стал одним из первых, но далеко не единственным, кто полагал, что развитие общества, опосредованное новейшими коммуникационными технологиями, может привести к более справедливым общественным отношениям — менее иерархическим, менее отчужденным, более способствующим сознательному, критическому отношению

к власти. Аналогичные гипотезы высказывают авторы, анализирующие влияние Интернета на российское общество (см., например: Gorham, Lunde, Paulsen, 2014).

В 1990–2010-е годы происходит становление новой, сетевой парадигмы в социологии — некоторые авторы говорят о появлении «реляционной социологии», которая порывает с прежними представлениями об обществе как композиции стабильных, имеющих собственную «субстанцию» норм, акторов и институтов и вводит новое представление об обществе как ансамбле динамических отношений (Emirbayer, 1997; Prandini, 2015).

Третье значение слова «сеть» — это неинституциональные социальные отношения, которые осложняют работу государственных институтов или даже подменяют эти институты. Такая «противительная» интерпретация термина используется прежде всего при описании обществ, которые считаются переходными от диктатуры/авторитаризма/тоталитаризма к демократии — чтобы объяснить, почему институты западного типа, основанные на контрактных отношениях, в этих обществах не прививаются или работают не так, как в странах, где возникли изначально. Такой подход используется, в частности, в политологических, социологических и экономических исследованиях современной России. Так, в 2001 году экономист Ростислав Капелюшников писал:

Наблюдения показывают, что, попадая в российскую среду, любые формальные институты сразу же прорастают неформальными отношениями и личными связями. Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимыми «правилами игры»... В российских условиях такие институты... переключа[ются] в режим двустороннего (или многостороннего) персонализированного торга. (Цит. по: Капелюшников, 2016: 351)

Несмотря на то что диагноз Капелюшникова поставлен давно, он во многом сохраняет свою силу — с оговоркой о том, что сегодня важнейшим участником «персонализированного торга» стали силовые структуры¹. Специфической проблемой постсоветского общества признается не само по себе наличие развитой инфраструктуры неформальных сетей, а то, что система внеконтрактных отношений в этих сетях признается «по умолчанию» лучше контрактной.

С высказыванием Р. И. Капелюшникова я совершенно согласен, однако если рассмотреть его в более широком контексте, можно видеть, что именно к таким «неформальным отношениям» и сводится понимание социальных сетей применительно к поздней и постсоветской России; развитие интернет-коммуникаций и опосредованные ими социальные связи изучаются помимо «теневых сетей».

Можно назвать довольно много работ, где важнейшим структурным элементом советского и постсоветского российского общества признаются блат, связи криминалитета или неформальные отношения внутри властных институтов.

---

1. См. подробнее: Ledeneva, 2013.

Среди первых исследователей таких структур был Егор Гайдар, еще в последние советские годы написавший монографию об их опасности (Гайдар, 1990). Сегодня одной из причин избирательного внимания именно к сетям блага и «теневых» коррупционных и лоббистских групп является интерес западных научных и политических институций к экспертизе рисков и опасностей, связанных с Россией, так как коррупционные сети и сети политического влияния, включающие в себя все большее количество действующих лиц вне России, в 2000–2010-е годы постепенно стали восприниматься как проблема международного масштаба. Так, в 2011 году вышло минимум две книги, сосредоточенные на «теневых» сетевых структурах власти и перераспределения прибыли: первая — сборник под редакцией А. Мошеса и В. Кононенко «Россия как сетевое государство: что работает в России, если государственные институты не функционируют?» (Moshes, Kononenko, 2011), вторая — «Российские сети организованной коррупции и их международные траектории» С. Челухина и М. Р. Хаберфельда (Cheloukhine, Haberkfeld, 2011). Автор предисловия к первой из названных книг, Вадим Кононенко, доказывает, что Россия — уникальное «сетевое государство», которое не соответствует веберовскому представлению о государстве как о системе рационализирующих бюрократических институтов:

В последние десятилетия в России сложился род симбиоза между неформальными группами и формальными институтами. В рамках этого симбиоза элитные группы отстаивают свои собственные интересы, проникая в институты и в итоге сливаясь с государством, в то же самое время сохраняя позиции, неподвластные (unaccountable) этим институтам. Поэтому государство всегда оказывается слабым и подчинено сетям, и все же держится «на плаву», так как является своего рода институциональным каркасом, нужным для этих сетей. (Kononenko, 2011: 5)²

Иначе говоря, в первых двух пониманиях слова «социальная сеть», описанных выше, их эволюция воспринимается как явление позитивное и способствующее улучшению социального климата, а в третьем случае — как явление негативное и опасное, причем, по-видимому, авторы, описывающие сети во всех трех смыслах, имеют этические и интеллектуальные резоны для таких интерпретаций, однако описания «плохих» сетей в российском обществе основано не на теоретических моделях, а на эмпирических наблюдениях. Возникает вопрос о том, как можно «вписать» исследования российского общества в «сетевой поворот» (или «реляционный поворот»), который можно наблюдать в сегодняшней социологии? Эта статья призвана сделать первые шаги к возможному ответу.

Такая задача, как я полагаю, может быть решена в три этапа. Сначала я попробую показать, в каком контексте возникли влиятельные сегодня парадигмы изучения социальных сетей и какие в них есть «слепые пятна». Затем — как изучение функционирования сетей в российском имперском, советском и постсоветском

2. Здесь и далее, если иного не оговорено, перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

обществах позволяет уточнить базовые положения теории социальных сетей в целом. Тем самым я попытаюсь заполнить пробел между теоретическим представлением о социальных сетях и эмпирическими наблюдениями, касающимися «антиинституциональной» природы сетей в позднесоветском и постсоветском обществе. Далее я представлю эскиз классификации разных типов социальных сетей, действовавших в позднесоветской культуре — с середины 1950-х до конца 1980-х годов. Эта классификация позволит показать на нескольких примерах, как «советский» контекст менял функционирование принципов, представленных в современных теориях социальных сетей. Таким образом я попробую дать эскиз концептуального «моста» между теорией социальных сетей и социологией советского и постсоветского общества.

2

Теории социальных сетей развиваются сегодня очень интенсивно (см., например, сводки современного состояния исследований: Stegbauer, 2010; Borgatti, Lopez-Kidwell, 2011). Даже самое эскизное рассмотрение этой обширной и динамичной картины не может быть осуществлено в рамках одной статьи, поэтому я вкратце обсужу концепцию одного из самых цитируемых исследователей социальных сетей — Харрисона Уайта. После того как Уайт в 1963 году был принят на работу в Гарвардский университет, он начал там читать курс «Введение в социальные отношения» и руководил работой ряда студентов, которые впоследствии и создали науку о социальных сетях (network analysis) как особую отрасль социологии. Результаты работы Уайта и его учеников в 1960–1970-х годах в истории американской социологии принято называть «гарвардской революцией» или «гарвардским прорывом».

Открытия, сделанные в рамках этого движения, позволяли пересмотреть широко распространенную тогда в американской науке концепцию структурного функционализма, которая предполагала описание общества как совокупность надличных и стабильных систем. Монография Уайта «Идентичность и контроль: как возникают социальные формации» (White, 2008)³, впервые вышедшая в 1992 году, была переиздана в 2008-м издательством Принстонского университета, что говорит о ее востребованности на протяжении долгого времени.

Уайт доказывает, что человек конструирует собственную личность, «переключаясь» из одной социальной сети в другую. Уайт использует для сетей термин-неологизм «netdom», что можно приблизительно перевести как «сетепространство» — или, в переводе И. Каспэ, «сетевая сфера», — а «network» интерпретирует как социальную репрезентацию сетепространств, то есть «как мы их видим». Переключение предполагает смену не только самих сетепространств, но и конкрет-

---

3. Первое издание вышло в 1992 году, но для второго книга была существенно переработана. В дальнейшем при цитировании книги Уайта страницы указываются после цитаты в скобках по второму изданию.

ных позиций внутри них; в разные моменты человек определяет себя через смену своих позиций в сетепространствах и свое положение в них. Каждое переключение дает человеку возможность выработать «значение» (meaning), из которых складывается его/ее представление о социальном порядке и собственной жизни. Представление о системе таких переключений и об их значениях, развернутое в нарратив, Уайт называет «историей»; этот нарратив структурирует личную идентичность человека⁴. Структурирование социального самосознания, позволяющее человеку жить в условиях постоянной неопределенности, Уайт называет «контролем». Этот же термин он употребляет и для управления людьми со стороны властных инстанций; с его точки зрения, это разные формы одного и того же процесса. В целом Уайт полагает, что социально-политический контроль необходим для того, чтобы примирять различные секторы общества — или создавать видимость такой гармонизации (p. 220).

Вопрос о том, как влияют на структуру и функционирование социальных сетей культурные особенности того общества, в котором эти сети складываются и действуют, изучен довольно слабо. Ян А. Фузе заметил

Идея [сегодня] состоит в том, чтобы прийти к эмпирически адекватной феноменологии социальных сетей, основываясь на самоописаниях сетевых связей и обрабатывая их количественными методами. Однако сами категории самоописания редко становились предметом эмпирического исследования — а такое исследование показывает, что стандартная типология связей вроде «любовь», «дружба» или даже «обсуждение важных вопросов» может означать совершенно разные вещи в разных контекстах. (Fuhse, 2009: 56)⁵

Можно добавить: и в разных культурах. Вопрос о том, как культурные различия влияют на работу социальных сетей, ставится редко⁶ и в основном в тех случаях, когда ученые из неевропейских регионов начинают критически комментировать утверждения своих европейских коллег — как излишне универалистские и не дающие представления об обществах западного типа (например: Ikegami, 2005).

Представления Уайта о связи самоконтроля личности и внешнего социального контроля и описание их как, по сути, разновидностей одного и того же процесса показывают, что при всех ссылках на неевропейские случаи (Мексика, Япония и др.) Уайт в качестве нормы по умолчанию полагает европейское дисциплинарное общество. Сложение такого типа общества описывает историк Филип Горски в книге «Дисциплинарная революция: Кальвинизм и восход государства в Европе раннего Нового времени» (Gorsky, 2003). Методологически следуя за работами

---

4. В рамках своей теории Уайт выделяет пять смыслов «идентичности» (p. 17-18) и всякий раз, анализируя проблематику идентичности, оговаривает, в каком смысле по своей классификации он употребляет это слово.

5. Фузе ссылается, в частности, на работы: Fisher, 1982; Yeung, 2005.

6. Те, кто сегодня изучает сетевые отношения в меняющихся обществах с резко выраженной культурной спецификой, чаще всего фокусируются больше на новейшей политической истории этих обществ, чем на их культурных особенностях: Rechitski, 2014; Castells, 2015.

Мишеля Фуко и основываясь на анализе исторических источников, Горски полагает: успех европейских государств в дисциплинировании собственного населения в XVII–XVIII веках был основан на союзе государства — в том числе и конкретных монархов — и религиозных организаций, которые вместе распространяли и поддерживали среди населения/паствы нормы религиозно обоснованного самоконтроля. Такой процесс происходил, например, в Пруссии. Однако превращение самоконтроля в норму могло идти и снизу вверх, с уровня церковных общин, и затем подхватываться государством, как это было в Нидерландах. Более нюансированно историю контроля в европейских обществах описывает Паоло Проди (Проди, 2017): он показывает, как в истории Западной Европы происходила функциональная дистрибуция внешнего контроля (государство, закон, церковь) и внутреннего контроля (совесть), которые находятся в сложных отношениях между собой — иногда взаимодополнительных, иногда остроконфликтных.

Историк культуры Виктор Живов предположил, что в случае России такая логически последовательная дистрибуция не сформировалась:

Религиозное дисциплинирование, начатое в середине XVII века одновременно церковными и светскими властями, становится государственной политикой при Петре Великом⁷. Однако же из дисциплинарной революции ничего не получается. Население предпочитает коррупцию религиозной дисциплине, которая не интериоризируется, а воспринимается как государственное принуждение. Вместо консолидации общества результатом революции оказывается размежевание отдельных классов; вместо эффективности управления — различные формы «двойной бухгалтерии» и т. д. (Живов, 2008: 351)

Живов считал, что причиной неудачи петровской дисциплинарной революции в России стали исторические особенности русского православия⁸ и возникшее в результате действий самого Петра подчинение церкви государству. Историк даже полагал, что попытка дисциплинарной революции в XVIII веке привела в итоге к большевистскому перевороту, потому что после подчинения церкви имперская власть осталась без союзников в общественной жизни.

Катастрофа 1917 года лишь укрепила механизм русского исторического развития: власти предрасположены не хотят сотрудничать ни с какими другими автономными социальными силами и не обладают необходимыми для этого институтами. Отсутствие социальной дисциплины делает принуждение и насилие излюбленными средствами контроля, и власть, пользующаяся этими средствами, толкает управляемое население ко все большему отчуждению и потере навыков социального саморегулирования. (Живов, 2008: 352)

---

7. Подробнее историю этого вопроса см.: Живов, 2004: 66–68.

8. Обсуждение этой гипотезы, лишь эскизно намеченной в статье Живова, не входит в задачу этой статьи.

Аргументированная проверка утверждений Живова, если брать всю историю России с XVIII до XX века, конечно, потребовала бы отдельной монографии, а не статьи, так как историк предлагает очень масштабные обобщения. Тем не менее описанная им — на основе довольно обширного фактического материала — логика организации социальных сетей в послепетровском обществе явственно перекликается с моделями политологов и социологов, которые пишут о конфликте сетей и институтов в современной России (Ledeneva, 1998; Ledeneva, 2006; Ledeneva, 2013). И Живов, и Алена Леденева показывают, как разные общественные группы строят с помощью сетей «обходные пути», чтобы бороться с государственными институтами или приспособить их под собственные нужды; на протяжении XVIII–XXI веков инструментами такого приспособления являются коррупция и личная протекция.

Живов в своей статье пишет только об особой тенденции, которая отличала Россию от западноевропейских государств. Однако со строительством «обходных путей» в истории России сосуществовало и «нормальное» развитие институтов современного государства — например, судебных. На протяжении XVIII — начала XX века жители России вполне успешно осваивали взаимодействие с юридическими инстанциями (Уортман, 2004; Burbank, 2004). Необходимо понять, как тенденции к строительству «обходных путей» вокруг государственного контроля сосуществовали — и сосуществуют сегодня в России — с развитием элементов дисциплинарного общества в западноевропейском духе.

Особенность развития российского общества состояла не в том, что в нем воспроизводилось систематическое — пусть и не повсеместное — отчуждение индивидов от государственных институтов; вплоть до возникновения welfare state такое отчуждение было тяжелой социальной проблемой и в других странах Западной Европы и Северной Америки — и не только в XIX, но и в XX веке. Но именно в России, если такое отчуждение возникало, связи и знакомства в его преодолении значили особенно много — притом что институциональный дизайн страны был во многом близок к европейскому. Это было связано с процессом, который проанализирован в работах Живова — государство фактически присвоило себе роль церкви в формировании новых режимов личного самоконтроля. В XX веке большевики — если следовать этой логике — попытались произвести окончательное «огосударствление совести» (Хархордин, 2016), но они же сделали сетевые связи еще более важным элементом общества, поскольку установили систему государственного распределения; окончательно оно было введено вместе с концом НЭПа⁹. Эта система распределения привела к постоянному дефициту ресурсов и конкуренции за них. Распределение ресурсов оказалось возможным в первую очередь благодаря «теневым» сетевым структурам, и это обстоятельство оказало

---

9. Впрочем, видимо, соответствующие тенденции были заложены еще до 1917 года, во время Первой мировой войны, когда в ответ на резкий рост государственного регулирования экономики последовал расцвет черного рынка (Погребинская, 2016).

косвенное или прямое влияние на все взаимодействие сетей и институтов в СССР в целом.

Слово «блат» до 1917 года было связано с первой очередь с жаргоном криминального мира, в конце же 1920-х оно распространяется в русском языке как жаргонное обозначение протекции, позволяющей доставать дефицитные товары и услуги.

Среди пассажиров по томному блеску глаз и по умению держать проводников в страхе он узнавал тех, кто тоже [как и он] устраивался по блату.

Если эти люди ехали с женами, то чудилось, что даже женились они по протекции, по чьей-то записочке, вне всякой очереди, — такие у них были подруги, отборные, экспортные, лучше, чем у других.

И когда они переговариваются между собой, кажется, что они беспрерывно твердят некое загадочное спряжение:

я — тебе,
ты — мне,
он, она, оно — мне, тебе, ему,
мы — вам,
вы — нам,
они, оне — нам, вам, им.

...

Товарищи, еще одна важная новость! Но помните — это секрет! Никому ни слова!

Тише!

У нас есть писатели по блату! (Немного, но есть.)

Композиторы по блату! (Бывают.)

...

Это тонкая штука. И это очень сложная штука. В искусстве все очень сложно. И это большое искусство — проскочить в литературу или музыку без очереди. (Ильф И., Петров Е. Человек с гусем [первоначальное название «Жизнь по блату»], 1933) (Ильф, Петров, 1961)

Советское государство стремилось поставить под контроль любые «горизонтальные» связи. Эта стратегия последовательно проводилась в жизнь начиная с переворота 1917 года:

Диктатура большевистской партии и масштабный террор не отменяли принципиально коалиционного характера советского режима: его жизнеспособность зависела от включения в свою орбиту и «приручения» любых спонтанных проявлений локальной солидарности (кроме напрямую враждебных, которые пытались уничтожить). Поэтому главные усилия большевиков были направлены на недопущение возникновения альтернативных центров социальной интеграции (наподобие старой [дореволюционной] общественности): стратегически большевистский режим основывался на поддержании раздробленности общества, связанного лишь структурой партийной сети. (Герасимов, Могильнер, Глебов, т. 2: 615–616)

А. Г. Левинсон назвал такую деятельность советских политических инстанций «социоцидом» (Левинсон, 2009). Такая блокировка тоже способствовала расцвету сетевых структур — особенно в позднесоветские десятилетия.

В постсоветское время формирование новых общественных связей в ситуации, когда большинство населения привыкло к опасности и бессмысленности любой «организации», привело к моделированию вторичных социальных структур по образцу первичных (семья, дружеский круг и т. п.) и, более того, к убежденности акторов в том, что такое положение является наилучшим: так, один из «олигархов» 1990-х убеждал на совещаниях своих коллег по медиакомпаниям в том, что организация бизнеса по образцу семьи — по его выражению, «итальянская» — гораздо лучше «американской» контрактной модели¹⁰.

В ответ на советские попытки «дисциплинарной революции»¹¹, которые власти пытались провести в ситуации отсутствия общественных партнеров и тотального дефицита, в обществе развились многочисленные, иногда очень сложные практики социального саморегулирования, но большинство имело принципиально антидисциплинарный характер, то есть были направлены «в обход» властных институтов (и государственных, и партийных). Общей чертой советских социальных сетей было то, что они функционировали как структуры неинституционализированной и антидисциплинарной солидарности.

Если не говорить о неформальных отношениях в рамках органов власти, функционирование значительной части сетевых структур советского общества может быть описано как субверсивная «тактика слабых», по Мишелю де Серто (де Серто, 2013). Де Серто описывал «тактики слабых» как формы повседневного творчества «из подручных деталей». По-видимому, советские сети тоже могут быть поняты не только как адаптационные или полукриминальные структуры, но и как пространства импровизированного творчества.

Люди, вовлеченные в те или иные практики, умели исподволь влиять на функционирование существующих институтов или действовать помимо них, но не хотели, а в большинстве случаев и не могли создавать новые институты. «Обходные» социальные сети, разного рода «институциональные шунты» и «вертикальные сговоры» были наиболее заметными последствиями этой антидисциплинарности, влияющей на развитие российского общества вплоть до настоящего времени.

По-видимому, «антидисциплинарные» сетевые структуры существуют в любых странах: коррупция и кумовство — феномены интернациональные. Историк культуры Сергей Козлов сравнивает неформальные отношения в научных и образовательных институциях Второй Империи во Франции и позднего СССР (Козлов, 2009). Но, возможно, в имперской России и определено — в Советском Союзе такие отношения приобрели смысл универсальной формы альтернативной социальной организации. Этот феномен имеет настолько очевидное значение для ор-

10. Здесь я основываюсь на устном сообщении участника этих совещаний.

11. Таких попыток на протяжении XX века было несколько — об «оттепельном» варианте см., например, работы Брайана Ла Пьера (LaPierre, 2012) и О. Л. Лейбовича (Лейбович, 2016а).

ганизации общества, что отвлекает исследователей от постановки вопроса: какие другие, не антидисциплинарные, сети существовали в России и в СССР? Ответ на этот вопрос потребовал бы, вероятно, целой серии монографий, поэтому я ограничусь коротким перечислением нескольких типов «других» сетей — и только на материале позднесоветского общества.

3

Несмотря на террор сталинского режима против собственного населения, в СССР 1940-х — начала 1950-х все же были возможны различные типы неформальной социальной организации, помимо блата. Примерами такой организации были группы интересов во властных структурах, объединения молодых поэтов, молодежные компании, различные формы коллегиальных взаимодействий (Fürst, 2010; Д. Козлов, 2015)¹².

Однако социальные сети в это время не могли оказывать сколь-либо заметного влияния на общественную жизнь. Их значение резко возросло после смерти Сталина — сразу по нескольким причинам.

Прежде всего государственные и государственно-общественные институты, созданные в 1930-е — начале 1950-х, в это время обнаруживали все большую неэффективность, и социальные сети оказались успешно работающим компенсаторным механизмом в ситуации частичной аномии. Кроме того, интеллигенции и политическим элитам стало ясно, что предстоят большие изменения «правил игры», и для участия в их переопределении стали складываться новые сети отношений — и актуализироваться старые.

Одним из элементов новой социальной реальности стало смягчение репрессивного характера режима. Лидия Чуковская писала в очерке «Памяти Фриды» (1965):

...в пятидесятые годы... внезапный стук в дверь перестал обозначать: за тобой пришли, а значил: к жизни вернулся друг... люди начали между собой общаться... в стране, после прекращения сталинских зверств, начало робко, ошупью складываться общественное мнение... всякое произнесенное вслух открытое слово долетало до жадных слушателей... ненапечатанные рукописи начали распространяться по городу с такой скоростью, словно они в самом деле обладали ногами или колесами... (Чуковская, 2010: 529)

Поэтому сетевые структуры в сфере культуры получили наибольшее развитие в период конца 1950-х — 1980-х годов. Во многих случаях они были столь же антидисциплинарными, как и сети теневой экономики. Возникновение одной из таких сетевых структур описала М. Майофис на материале советской детской литературы 1954–1957 годов (Майофис, Кукулин, 2017). Она показала, как в это время

---

12. О социальных сетях в теневой экономике советского периода см., например: Митрохин, 2006.

формируется сложная сеть связей между отдельными авторами и несколькими группами писателей разных поколений; ее элементами были не только живые, но и умершие и репрессированные писатели (как, например, соавтор «Республики ШКИД» Григорий Белых или писатель Борис Житков), память о которых хранили и транслировали их друзья¹³. Следствием функционирования этих сетей стало распространение новых норм письма и отношения к литературе, первоначальным кодификатором которых была Лидия Чуковская (Майофис, 2017).

Говоря о более позднем периоде — 1960–1970-х годах, можно выделить такие феномены, как советские субкультуры, основанные на сетевых отношениях людей из разных городов (прежде всего хиппи: Fürst, 2014; Fürst, 2016; Fürst, 2018), и международные сети, включавшие в себя советских музыкантов и неофициальных художников (Doucette, 2016; Mikkonen, 2016), которые стали предметом изучения только в последние годы. Однако у нас есть косвенные данные для того, чтобы предположить существование еще целого ряда подобных структур. Их выявление и исследование может быть осуществлено только по результатам сбора материала, прежде всего — архивных документов и биографических интервью. Сделать это необходимо сегодня, пока большинство свидетелей живы и в здравой памяти.

Процесс урбанизации в СССР изучен относительно хорошо и до сих пор остается в сфере внимания исследователей (Меерович, 2008; Меерович, Конышева, Хмельницкий, 2011; Samuelson, 2011; DeNaan, 2013 и др.). Однако до настоящего времени почти не изучено, как общались между собой выходцы из одного и того же села/местечка/«национальной окраины» после переселения в большие города, если они не селились отдельным анклавом. На основании мемуарных нарративов можно предположить, что такие связи могли действовать на протяжении многих лет. Сегодня в России распространены официальные землячества (известны, например, костромское и пермское землячества в Москве), но это зарегистрированные структуры, в руководство которых в качестве «свадебных генералов» или лоббистов входят богатые бизнесмены, высокопоставленные менеджеры, СЕО государственных корпораций и т. п. Сетевые структуры, которые действовали и действуют в России помимо такого рода официальных институтов, остаются в значительной степени «невидимыми».

Из постов в социальных сетях, в которых авторы 40–50 лет вспоминают о своих родителях, мы можем судить о том, что в советских условиях встречалось общение однокурсников после окончания вуза, реже — одноклассников (одноклассники или одношкольники чаще встречались раз в год в условленную дату, так что их общение было более ритуализированным). Сегодня одноклассники и однокурсники постоянно общаются через электронные социальные медиа — напомним о существовании специализированной сети odnoklassniki.ru. Однако, судя по ряду

---

13. Применительно к роли репрессированных и насильственно забытых в этих сетях можно воспользоваться акторно-сетевой теорией Бруно Латура, позволяющей рассматривать взаимодействие людей с «нечеловеческими» акторами (Латур, 2014), или теорией американского социального психолога Кеннета Х. Крайка о «сетях посмертной репутации» (Craik, 2009: 173–200).

данных, у однокурсников такое общение не всегда ограничивается только Интернетом: «Со своей группой из университета видимся регулярно, праздники отмечаем, танцуем, беседуем, по возможности помогаем друг другу», — пишет одна из посетительниц форума для молодых матерей¹⁴. В Интернете регулярно публикуются заметки о том, как бывшие однокурсники в одной из постсоветских стран собрали деньги на лечение или помощь человеку, попавшему в кризисную ситуацию или даже для организации рискованного бизнес-стартапа¹⁵. Это особенно интересно потому, что в России и других постсоветских странах нет американской традиции жертвовать деньги на *alma mater*. Социальные сети бывших одноклассников и однокурсников в СССР и в современной России пока не стали предметом самостоятельного изучения.

Публикации «дембельских альбомов» и их исследования показывают: обязательным элементом подобных рукодельных книг была страница с домашними адресами солдат, служивших в той же части и призванных в то же время, что и владелец альбома (Погодин, 2011)¹⁶. Однако, как мне известно, никто не изучал, насколько часто бывшие солдаты после увольнения из армии поддерживали переписку друг с другом, насколько регулярно встречались и т. д.¹⁷

Огромную роль при поступлении в советские вузы играли репетиторы. Их услуги были непубличными, хороших репетиторов родители абитуриентов и уже поступивших студентов «передавали» друг другу через знакомых. Родители, репетиторы и абитуриенты образовывали сетевые структуры.

В СССР были ограничены права индивидуальной собственности на жилье. Основной формой отношений граждан с жилплощадью было проживание в государственных или ведомственных квартирах, на которые у них не было права собственности. Однако обмен жилья был крайне популярной операцией. Он осуществлялся через маклеров или через партийных и государственных чиновников, которые тоже могли выступать в роли маклеров — только обычно осуществляли эту функцию на уровне целых ведомств¹⁸. Профессиональные маклеры, занимав-

14. <http://babybym.com/threads/vy-obschaetes-s-byvshimi-odnoklassnikami-odnokursnikami.1598/>

15. <http://www.5-tv.ru/news/101043/>; <https://ok.ru/group/52124370665544/topic/64004204552264>; <https://news.am/rus/news/335230.html> (заметка о том, как одноклассники 19-летнего юноши, тяжело раненного в Нагорном Карабахе, собирали деньги на улицах Еревана); <http://www.nestor.minsk.by/mg/articles/1999/05/0200.html>; <https://www.pressreader.com/estonia/mk-estonia/20170301/281500751031729>

16. См. репродукции страниц с адресами сослуживцев из записной книжки солдата и «дембельского альбома»: <http://soviet-life.livejournal.com/1716842.html>; <https://lenta.ru/photo/2015/02/23/dmb/#12>

17. В книге Сергея Ушакина «Патриотизм отчаяния», в соответствии с задачами книги, обсуждается общение бывших участников чеченских войн, объединенных общей травмой (Oushakine, 2009) — но остается неизученным, в чем оно было похоже и в чем непохоже на взаимодействие тех бывших солдат, кому повезло больше, чем героям Ушакина, и в чьей жизни не было опыта войны, которую ее участники считали бессмысленной.

18. «Скажем, газета „Известия“ получила квартиры для своих сотрудников у московского „мэра“ Промыслова, а в благодарность преподнесла ему снимок, на котором Брежнев дружески хлопает Промыслова по плечу. „Известинский“ фотокор вовремя щелкнул аппаратом: подобные снимки советские чиновники обожали. Они вешали их в кабинетах и приемных, чтобы продемонстрировать каждому посетителю степень своей близости к „влиятельному телу“» (Травин, 2012).

шиеся индивидуальным обменом, неоднократно изображались в советском кино и литературе. Однако сети, складывавшиеся вокруг них, социологически не описаны.

В 2000–2010-е годы советское и постсоветское коллекционирование становится предметом мемуарно-исследовательских книг (Рац, 2005; Малинкин, 2011). В процессе этого коллекционирования складывались сетевые структуры, связывавшие коллекционеров, их наследников, разного рода продавцов антиквариата и так далее (о современной ситуации в этой сфере см., например: Малинкин, 2011: 56–71). Но и об этих связях известно очень мало.

Судя по мемуарной и религиоведческой литературе, в 1970-е годы активно развивались сети поклонников неофициальных религиозных авторитетов (православных «неостарцев», либеральных православных священников, харизматичных имамов, буддийского учителя Бидии Дандарона), активистов национальных движений и т. д. Эти сети становятся предметом изучения только в последние годы (Гумеров, Бустанов, Белич, 2011 и др.).

Социальные сети в СССР приобрели ряд специфических функций, самый простой пример — распространение самиздата, более сложный — взаимная поддержка или взаимное информирование людей, не находившихся друг с другом в отношениях «первичной» (семейной или близко-дружеской) зависимости. Ограничения информации вызвали волны слухов (более правдоподобных, а иногда и более достоверных, чем официальные сводки), которыми советские люди делились с ближними и дальними знакомыми (Werth, 2001; Кринко, 2009; Лейбович, 2016б). Представители различных репрессированных групп (от пятидесятников до крымских татар) в 1970-е годы сотрудничали в деле информирования международной общественности о нарушениях прав человека в СССР.

Все перечисленные феномены составляют общую картину сложной и очень насыщенной социальной динамики, далеко выходящей за пределы представлений о сетях как структурах обмена услугами и дефицитными ресурсами. Вместе с цепочками «блата» и теневой экономики все перечисленные сети составляли единый континуум, общий социальный контекст. Однако из-за особой роли блата и теневой экономики целый ряд сетей в советском и постсоветском обществе остаются «затененными» или «невидимыми». Сегодня требуется дополнительное аналитическое усилие, чтобы описать санкционированные и несанкционированные формы сетевой деятельности в позднем СССР как элементы единого пространства.

Такие системы неформальных связей могли бы существовать и в дисциплинарном обществе, но в советских условиях они приобретали дополнительную смысловую нагрузку, а отношения внутри них гиперсемантизировались, приобретали особое эмоциональное значение.

Эта черта сетей в советском обществе требует скорректировать концепцию ученика Х. Уайта, Марка Грановеттера. В 1973 году он опубликовал статью «Сила слабых связей» (Granovetter, 1973)¹⁹. Грановеттер показал, что:

- 1) наиболее значимыми каналами неформального распространения новой информации (например, о рабочих вакансиях) являются не «сильные» связи — такие как дружеские или родственные, — а «слабые», такие как дальнее знакомство;
- 2) именно «слабые» связи соединяют между собой разные компании и способствуют тому, что до того или иного человека доходит *неожиданная* информация.

Городские сообщества, в которых много дружеских компаний, но мало слабых связей («дальних знакомств») между ними, обычно гораздо хуже способны отстаивать свои интересы в споре с городскими властями, чем сообщества, где таких слабых связей много.

Грановеттер противопоставляет «сильные» и «слабые» связи, как в структуралистской бинарной оппозиции. Но в советских условиях, скорее, существовал сплошной континуум перехода от «сильных» связей к «слабым». Слабые связи, намного более полезные, чем в открытом обществе (так как институционализированных каналов информации и поддержки «от чужих» в СССР почти не было), контекстуально выглядели более «сильными», чем в ситуациях, описанных в статье американского социолога.

Экономист и социолог Винсент Остром противопоставил «моноцентрические» и «полицентрические» системы управления (Ostrom, 1972; ср. также: Ostrom, Tiebout, Warren, 1961). В позднем СССР институты были организованы строго моноцентрически и иерархически и изменить этот порядок не представлялось возможным; попытки Н. С. Хрущева децентрализовать советскую экономику с помощью территориальных «советов народного хозяйства» потерпели крах. Сети делали позднесоветское общество более полицентрическим и тем самым скрадывали разрушительный социальный эффект, наносимый ригидностью советских институтов и их скрытой эрозией. Неформальные отношения в СССР были источником автономной рациональности (вполне по Ю. Хабермасу), иногда цинической, иногда «идеалистической», часто смешивавшей то и другое, но в любом случае не вполне совместимой с официально провозглашаемыми стратегиями, нормами и правилами советских институтов²⁰.

Иначе говоря, позднесоветское общество было «сетевым» — но в другом смысле, чем тот, в котором этот термин ввел Мануэль Кастельс: это общество, в котором сетевые связи оказывались наиболее важными по сравнению с контрактно-институциональной системой отношений, но не из-за развития новых форм коммуникации и проектного мышления, как это происходит сегодня (см. у Бол-

19. В настоящее время на эту статью сделано более 37 000 ссылок.

20. О различии этих уровней организации институтов — стратегий, норм и правил — см.: Crawford, Ostrom, 1995.

тански и Кьяпело о «проектном граде»: Болтански, Кьяпело, 2011), а вследствие систематического отчуждения и дефицита. Такое общество можно назвать «сетевым поневоле».

В 1950–1960-е годы ученые начали описывать советское общество как сеть закрытых от внешнего наблюдения «обществ взаимной защиты» (Fainsod, 1963: 235–237, 388–389, 575). Однако и тогда, и позже исследователи таких частных социальных кластеров не обращались к концепции социальных сетей — в том числе и Алексей Юрчак в своем фундаментальном труде о советском обществе 1970-х — начала 1980-х годов (Yurchak, 2006; Юрчак, 2016). По-видимому, сегодня имеет смысл включить изучение советских и постсоветских сетей в более широкий контекст.

4

Таким образом, «наложение» аппарата теоретического сетевого анализа на исследование социальных сетей в позднесоветской России дает основания сделать два вывода. Во-первых, в позднесоветском обществе — как, по-видимому, и на более ранних этапах его развития — были переплетены продисциплинарные и антидисциплинарные элементы, а социальные сети решали два типа задач: некоторые — только продисциплинарные, некоторые — только антидисциплинарные, некоторые — возможно, и те и другие. Во-вторых, сети в советских условиях отличались повышенной функциональностью. В целом «позднесоветский случай» помогает обогатить современные представления о теории социальных сетей. Я позволю себе предложить теперь эскизную классификацию социальных сетей в позднесоветском обществе, демонстрирующую переплетение и взаимодействие продисциплинарных и антидисциплинарных элементов. Критериев этой классификации три: тип институционализации сетей (и их размер, который во многом определяется особенностями институционализации), их функция и тип связи внутри сети.

Понятие «функция», однако, требует пояснения. В англоязычной литературе недостаточное внимание уделено сетям, создающимся ради специальных функций — кроме разве что религиозных и криминально-террористических сетей (о которых см., например: Canter, Alison, 2000). В СССР сетевые структуры, напротив, активизировались для решения конкретных задач, вне зависимости от того, были они связаны с публичными институтами или нет, поэтому классификация этих задач совершенно необходима.

Сетевые структуры в советском обществе действовали и в «обычном» режиме, и для суррогатной замены институтов, в частности — как замена общественных организаций с гибкой, децентрализованной структурой. Парадокс состоит в том, что в силу советской институциональной логики даже те организации, которые выросли из реальных общественных инициатив, в действительности работали как «фасад» (front-office) для лоббистских групп, что будет показано дальше. Поэтому сетевые структуры лучше справлялись с функциями общественных организа-

ций, чем они сами, и могли поэтому дальше пользоваться поддержкой со стороны властных инстанций. Возможно рассмотреть и «поощряемые» и «непоощряемые» сети с единой точки зрения.

Здесь я ограничиваюсь максимально схематичной функциональной классификацией: 1) задачи, поощряемые властями; 2) задачи, противоречащие намерениям властей, но не их официальным декларациям; 3) и задачи, противоречащие не только интенциям властей, но и действующим законам и публично признаваемым социальным и политическим конвенциям. Степень антидисциплинарности этих сетей была разной: первые могли быть вполне совместимы с дисциплинирующей деятельностью властей, третьи — безусловно, несовместимы, вторые — даже еще более опасны, так как само их функционирование свидетельствовало о разрыве между риторикой властей и их реальной практикой.

Первый тип сетей — это общественные движения, опиравшиеся на «низовые» неформальные структуры, но развивавшиеся при публичной поддержке различных органов партийной и государственной власти, чаще всего — ЦК ВЛКСМ; можно сказать, что в описанных ниже случаях ЦК ВЛКСМ «форматировал» сетевые общественные движения, питавшиеся реальным социальным энтузиазмом.

Примеров таких движений несколько: это движение юных моделлистов-конструкторов, на основе которого в 1966–1967 годах была создана сетевая организация НТТМ (Научно-техническое творчество молодежи), клубы любителей фантастики (КЛФ) или, например, движение «красных следопытов», которые разыскивали сведения о местных героях Великой Отечественной войны или предпринимали усилия, чтобы идентифицировать личность незахороненных жертв войны, чьи останки или оружие можно было найти на полях или в лесах (таких непогребенных останков, равно как и разбросанного по полям оружия, еще в 1960-х оставалось очень много). Отряды «красных следопытов» из разных школ переписывались друг с другом и с ветеранами войны, формируя сложные сетевые структуры. Аналогично, обширную сеть контактов выстраивали и низовые структуры моделлистов-конструкторов и любителей фантастики.

Если подобные сети, как это было в случае «красных следопытов», создавались для школьников и на основе школ, то они решали поставленные руководством СССР и ВЛКСМ идеологические задачи. Сети же, объединявшие более взрослых участников — студентов, молодых профессионалов и т. п., — несмотря ни на какие усилия их идеологических кураторов, развивались как структуры, поощрявшие прежде всего досуговую деятельность и имевшие отчасти эскапистский смысл. Поэтому они парадоксально совмещали дисциплинарную и антидисциплинарную функции.

Говоря о движении моделлистов-конструкторов, я буду опираться на обширное и пока не опубликованное автобиографическое интервью, которое основатель этого движения, инженер, популяризатор науки и комсомольский функционер Юрий

Столяров дал в 2012 году антропологу Зинаиде Васильевой²¹. Движение он организовал по прямому указанию ЦК ВЛКСМ, где в конце 1950-х годов был создан новый сектор — научного и технического творчества детей и молодежи; в 1959 году Столяров был приглашен туда на работу, в 1961 году под его редакцией начал выходить альманах «Юный моделист-конструктор» (статус альманаха на первых порах Столяров определил как «полулегальный», так как он не был утвержден всеми необходимыми в таком случае партийными инстанциями), впоследствии преобразованный в ежемесячный журнал «Моделист-конструктор». Сам Столяров живо интересовался не только комсомольской и редакторской работой, но и психологией творчества, опубликовал по этому вопросу ряд популярных книг и переписывался с Людвигом фон Берталанфи (1901–1972) — австрийско-американским биологом, основоположником общей теории систем. В 1966 году Столяров посетил ГДР и ознакомился там с деятельностью созданного под эгидой восточногерманского комсомола (Freie Deutsche Jugend, «Свободная немецкая молодежь») движения молодых инженеров-новаторов, ежегодно участвовавших в «Ярмарках мастеров будущего» (Messe der Meister von Morgen); в ФРГ существовало аналогичное движение «Jugend forscht» («Молодежь изучает», сокращенно Jufo), созданное в 1965 году. Увиденное настолько впечатлило Столярова, что он по согласованию с ЦК ВЛКСМ преобразовал движение моделистов-конструкторов в движение научно-технического творчества молодежи (НТТМ), ежегодно проводившее Всесоюзные выставки НТТМ; авторам лучших идей и разработок вручался значок победителя от имени ЦК комсомола.

В 1986 году все тот же ЦК (уже без участия Столярова) принял решение об организации на базе движения хозрасчетных центров НТТМ, которые стали фактически первыми легальными бизнес-структурами на территории Советского Союза. И тут началась уже другая история: центры НТТМ стали «точками пересборки», где комсомольские функционеры в массовом порядке превращались в начинающих бизнесменов. При всех превращениях, на протяжении всей истории с 1959 до 1986 года это движение опиралось на сети людей, посвящающих свой досуг моделированию и техническому конструированию, и развивалось под прямым руководством комсомола. Однако даже руководитель движения Ю. Столяров, будучи человеком абсолютно лояльным, чувствовал себя не вполне «совпадающим» с официальной идеологией и часть своих статей был вынужден публиковать за границей — хотя и не в эмигрантском тамиздате, а в изданиях ЮНЕСКО, с санкции Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП).

В отличие от НТТМ, движение Клубов любителей фантастики (КЛФ) сложилось, видимо, стихийно и было замечено руководителями комсомола уже после того, как стало интенсивно развиваться. Возникло оно в 1957–1958 годах из фанатов нашумевшей повести Георгия Мартынова «Каллисто» (1957) и ее продолжения

---

21. Благодарю З. Васильеву за возможность использовать это интервью.

«Каллистяне» (1960)²². Дилогия повествовала о встрече землян с обитателями далекой планеты Каллисто — похожими на людей, но темнокожими и создавшими технически высокоразвитую цивилизацию, оставившую земную далеко позади. «При детских библиотеках десятками формировались общества поклонников дилогии, которые писали продолжения книги и рассказы из мира [вымышленной планеты] Каллисто... создавали музеи Каллисто, составляли энциклопедию Каллисто и т. д. и т. п.»²³. Этому буму никак не мешали (а возможно, даже способствовали) диковинные сочетания штампов научной фантастики и соцреализма, встречавшиеся в романе Мартынова: например, космический корабль инопланетян, приземлившись в Курской области, земляне встречают с торжественными речами, оркестром и почетным караулом, как высокопоставленную иностранную делегацию²⁴. Однако в конце 1950-х — начале 1960-х в СССР начинают выходить многочисленные переводы западной фантастики и приобретают популярность советские авторы, не уступающие по качеству текстов своим европейским и американским коллегам — как, например, братья Стругацкие, — поэтому участники нового движения нашли себе новые, более подходящие предметы интереса²⁵.

Движение КЛФ интенсивно развивалось на протяжении 1960–1980-х годов, но продолжало сохранять полуофициальный статус²⁶. В 1981 году автор журнала «Техника — молодежи» все еще сетовал: «[Клубы] до сих пор не имеют централизованного руководства, единых целей и задач, материальной базы, а подчас даже помещения, где можно было бы собраться для очередного заседания или какого-нибудь другого мероприятия» (Осипов, 1981: 10). В той же установочной статье автор высказывал пожелания к дальнейшей деятельности клубов, по-видимому, транслируя претензии комсомольских кураторов этого движения: «...самая важная потенциальная функция подобных клубов — это активная пропаганда того будущего, за которое мы боремся и которое мы строим. Члены КЛФ могли бы гораздо активнее заниматься чтением лекций на предприятиях и в учебных заведениях, проводить тематические обзоры, специализированные дискуссии, вечера» (Там же: 11).

Таких результатов, судя по сохранившимся мемуарам, комсомольские руководители от КЛФ не добились. Участники КЛФ исправно воспроизводили в своих

---

22. В США субкультура любителей фантастики сложилась еще в 1930-е годы, и их первый съезд состоялся в Нью-Йорке 2-4 июля 1939 г. В нем принимало участие около 200 человек.

23. Из статьи о Г. Мартынове: Коротков, 2006.

24. См. иронический отзыв о романе Мартынова: Синявский, 1960. Подробнее о значении научной фантастики для советского общества середины 1950-х см.: Кукулин, 2017.

25. Впрочем, германский историк советской культуры Маттиас Шварц в беседе со мной предположил, что движение поклонников Мартынова с самого начала направляли школьные учителя, которые стремились дать подросткам соцреалистический образец фантастики — в противовес именно публикациям западной фантастики и братьев Стругацких.

26. Огромный архив статей из местной прессы о развитии этого движения выложен в Интернете: <http://www.fandom.ru/klf/>

публичных выступлениях требовавшуюся от них коммунистическую риторику²⁷, однако вплоть до конца советского периода движение развивалось в сторону не идеологизации, а институционализации фэндом — автономной субкультуры поклонников научной фантастики. В середине 1980-х годов участники КЛФ начали проводить ролевые игры сначала по романам англоязычных «научных фантастов», а затем, с 1989-го, и по фэнтезийным произведениям Дж. Толкиена. Эти игры дали начало влиятельной постсоветской субкультуре (Мамаев, 2000). Путешествия на природу для участия в ролевых играх были совсем не похожи на «чтение лекций на предприятиях и в учебных заведениях».

Вторым типом позднесоветских сетей стали группы, организованные с целью давления на власти. С одной стороны, их деятельность была публичной, с другой — противоречила интенциям центральных или местных властей, хотя не противоречила официальным декларациям — например, о том, что в СССР нет политических преследований и соблюдаются права человека.

Самыми известными сетями такого типа были международные (это очень важно — они всегда выходили за пределы СССР) движения в защиту безвинно арестованных интеллектуалов: Иосифа Бродского в 1964 году, Андрея Синявского и Юлия Даниэля в 1965-м, Константина Азадовского и Светланы Лепилиной в 1980-м. В этих сетях можно выделить ядро и периферию — подобно тому, как это делает Чарльз Кадушин, обсуждая сети с тесной связью в центральных участках (Kadushin, 2012: 50–54, 79, 123–128), — но периферия состояла из фигур, «центральных» для других сетей. В составе защитников должны были быть не только друзья арестованных, но также академические или литературные «звезды», иностранцы, по возможности — люди с высоким официальным статусом²⁸. Именно они и были значимой «периферией», к которым звали друзья арестованных. В деле Синявского и Даниэля «вмешаться, повлиять, заступиться пытались Илья Эренбург, Корней Чуковский, Константин Паустовский, Арсений Тарковский, Виктор Шкловский, Белла Ахмадулина, Павел Антокольский, Юрий Нагибин, Булат Окуджава» (Каверин, 1989: 3). Эренбург, Шкловский и Чуковский по своему статусу были близки к советской писательской номенклатуре (тем не менее каждый из них имел с точки зрения советского режима различные «прегрешения» и потому безупречным членом номенклатуры считаться не мог). Вокруг арестованного в Ленинграде филолога К. Азадовского и его гражданской жены С. Лепилиной образовалась разветвленная неформальная сеть защитников, действовавших в разных странах; в ней участвовали руководители ПЕН-клубов, слависты, политические журналисты, видные литераторы-эмигранты — Лев Копелев, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов (Дружинин, 2016: 130–164); в СССР друзья Азадовского пытались

27. См., например: «Как бы ни отличались клубы друг от друга, основная цель их была и остается единой — это пропаганда коммунистических идей, воспитание человека будущего, развитие творческих возможностей членов КЛФ на базе научной фантастики» (Чертков, 1983).

28. О составе защищавших Синявского и Даниэля можно судить по письмам, телеграммам и заявлениям в их защиту, помещенным в книге: Великанова, Еремина, 1989.

привлечь к его защите поэта Михаила Дудина, лауреата Государственной премии СССР и депутата Верховного совета РСФСР (Дудин отказался им помогать только после того, как получил прямой запрет из Союза писателей) (Там же: 224). Историк Вольфрам Эггелинг описал типичный сценарий активизации таких разветвленных социальных структур, как «спираль „процесс-протест“» (Эггелинг, 1999: 212–213).

Подобные «сети давления» если и достигали результата, то не сразу — как это было с освобождением Иосифа Бродского из архангельской ссылки (впрочем, важным было в этом случае и давление иностранных писательских кругов: Гордин, 2005). Но параллельно сети решали и еще одну, очень важную задачу: публичное выражение и воспроизводство солидарности с жертвами государственного произвола. В итоге те, кто включался в эти сети, мог обнаружить, что в его или ее историю (пользуясь терминологией Уайта) теперь входит нарратив освобождения и сопротивления отчуждающей дисциплине.

Второй формой «культурно-лоббистских» движений в СССР были возникавшие в 1960–1980-е годы неформальные группы защиты памятников архитектуры, предназначенных под снос или радикальную перестройку²⁹. При всем внешнем сходстве с движениями в защиту арестованных часто они не могут быть названы социальными сетями в строгом смысле слова. В каждом таком движении можно было выделить сплоченную группу энтузиастов — чаще всего в нее входил хотя бы один архитектор — которая решала проблему путем аппаратной борьбы, сопровождавшейся кампанией в прессе; второй вариант сценария — если аппаратная борьба затягивалась или с самого начала обещала быть трудной, участники лоббистской группы сознательно провоцировали алармистские письма от рядовых читателей газеты в партийные комитеты и органы местной власти³⁰. В этом случае формировалось, пользуясь терминологией Г. Ливитта, «колесо», wheel-structure, в котором многочисленные участники были связаны с центром (лоббистская группа и поддерживающий ее печатный орган), но не друг с другом (Leavitt, 1951). В ряде случаев в подобных кампаниях участвовали местные ячейки ВООПИиК — Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Однако при оценке роли ВООПИиК следует учесть замечание писателя Олега Волкова, высказанное в конце 1980-х годов, но обобщающее его предыдущий опыт:

Истинное назначение этих организаций — быть ширмами, отгораживающими власть от критики и нареканий — они переадресуются обществам. У них нет реальных полномочий и прав, поэтому они не обладают никаким авторитетом в глазах хозяйственников и градостроителей. Если удастся изредка в Советском Союзе отстоять памятник, добиться сохранения природного

29. См. о них, например: Келли, 2009; Ходий, 2016.

30. Как показывает Келли, в середине 1960-х годов в Ленинграде общественности удалось не допустить перестройки целого ряда зданий на Невском проспекте. Статью, сыгравшую роль триггера для многочисленных писем читателей, опубликовал Дмитрий Лихачев, входивший в лоббистскую группу защитников проспекта: Лихачев, 1965.

урочища, то в подавляющем большинстве случаев это — результат усилий отдельных лиц, использующих личные связи и удачно выступивших в печати. (Волков, 1989: 452)

Характерно, что Волков говорит о том, что ему нужно было «накопить опыт» и «приглядеться»: задачи формальных организаций в СССР на самом деле решались неформальными группами (концепция «вертикального сговора» по С. Козлову), и для того, чтобы отличить «фасад» (front-office) от «изнанки» (back-office, который в действительности и «офисом»-то трудно было назвать), действительно требовалось знание, дающееся опытом непосредственного участия.

Впрочем, советские добровольные организации служили не только «громом отводами», как о том говорит Волков, но и пространствами организации досуга для социально активных людей. Во второй половине 1960-х годов СССР, так и не перейдя к постиндустриальному типу экономики, приобрел отдельные черты постиндустриального общества. Все большую роль в нем играла сфера досуга, и идеологические инстанции, по-видимому, пытались организовать такие институты, которые бы отвлекали граждан от разного рода антидисциплинарной деятельности.

Сети в защиту несправедливо осужденных нарушали неписанные советские правила, но апеллировали к писаным. Они были антидисциплинарными по сути, но и сами «ловили» советско-большевистские элиты на скрытой антидисциплинарности. Они показывали, что публичная риторика контроля и реальное осуществление контроля в СССР мало соотносились между собой. Функционирование таких сетей может быть интерпретировано как попытка дисциплинировать антидисциплинарные элиты.

Третьим типом сетей в СССР были структуры, направленные на реализацию безусловно осуждаемых государством задач: теневая экономика, самиздат, независимое информирование советской и международной общественности о нарушениях прав человека в СССР (с официальной точки зрения — «антисоветская агитация и пропаганда» и «распространение заведомо ложных измышлений», подпадающие, соответственно, под ст. 70 и 190 УК РСФСР и аналогичные статьи в УК других союзных республик). Эти сети были организационно автономными и саморегулируемыми, однако сети теневой экономики в ряде случаев были сращены с государственными органами: «левая» продукция, произведенная на государственных предприятиях, распространялась по нелегальным каналам, а поддельные предметы западного ширпотреба (например, джинсы), изготовленные в подпольных мастерских «цеховиков», могли быть реализованы в государственных магазинах с использованием черной бухгалтерии. В целом я полагаю, что теневая экономика в СССР была необходимой частью советского хозяйства и связана с ним тысячами социальных капилляров, но неофициальная культура и некоторые неофициальные общественные движения были во многих отношениях действительно независимы от советской публичной сферы.

Кроме того, между этими формами нелегальной самоорганизации было еще одно различие. Теневая экономика реализовала задачу, которую государство обещало, но не могло решить на протяжении десятилетий — «рост благосостояния населения». Тем не менее функционирование теневых структур было противоправным, а участие в них — уголовно-наказуемым³¹. И все же сетевые связи этого типа не имели явного значения политической оппозиционности. Напротив, информирование о нарушениях прав человека соответствовало международным нормам и букве советских законов, но имело политически оппозиционный смысл и официально считалось преступным и «клеветническим» действием.

Сети, образуемые вокруг всех этих институтов, можно в целом назвать нелегальными. Их функционирование имело не просто антидисциплинарный характер — оно способствовало формированию *альтернативных моделей социальности*.

В повседневной практике советских людей сосуществовали нормативные (отчуждающие) и альтернативные модели, нужно было регулярно переключаться из одной в другую, поэтому получившаяся «на выходе» идентичность — в терминологии Уайта — была мозаичной и нестабильной, а описывающий ее нарратив — «история» — мог транслироваться только в неофициальной среде, так как включал в себя «антидисциплинарные» значения.

Для того чтобы объяснить развитие таких моделей социальности, нужно сделать отступление. М. Липовецкий пишет о «мозаичности» советского субъекта, которая видна еще в документах 1930-х годов. Липовецкий анализирует дневники московского метростроевца Степана Подлубного, которые для Й. Хеллбека стали образцом удачного советского дисциплинирования (Hellbeck, 2006: 165–221)³². Полемизируя с ними, Липовецкий замечает:

«Советский человек» — лишь одна из персон Подлубного. Рядом с ней, практически не пересекаясь, существует персона скрывающегося кулака — изгнанного из института, стоящего в тюремных очередях с передачами для арестованной матери. Есть и третья персона — опять-таки развивающаяся параллельным курсом с первыми двумя: секретного агента и информатора ГПУ/НКВД. Налицо и четвертый сюжет субъективности: отношения Подлубного с женщинами — как правило, достаточно жестокие: кажется, что он восполняет свою социальную ущербность гендерным насилием. Самое поразительное в дневниках Подлубного — именно эти параллельные жизни и легкость, с которой советский субъект артистически, казалось бы, полностью «забывая» о своих других персонах, переходит из одной «роли» в другую, — чем, безусловно, напоминает о трикстерах. (Липовецкий, 2009)

31. Напомню, что по статье 153 УК РСФСР «[ч]астно-предпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм» наказывалась «лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до пяти лет с конфискацией имущества». Аналогичные статьи были в УК других союзных республик.

32. Фрагменты из дневника Подлубного опубликованы по-английски в кн.: Garros, Korenevskaya, Lahusen, 1995: 293–331. Дневник С. Подлубного анализировала также Н. Козлова в своей книге: Козлова, 2005: 187–253.

Именно с этой «мозаичностью» Липовецкий связывает успех среди советских читателей и зрителей фильмов и книг о трикстерах, от Остапа Бендера до Штирлица.

Альтернативная социальность вводила в эту «мозаичность» новое измерение: те из советских людей, кто в 1970-е покупал подпольно произведенные джинсы и брал у знакомых почитать самиздатские книги, знали, что вступают в отношения с антидисциплинарным *институтом* (хотя, разумеется, не использовали таких слов), что в их положении находятся еще очень многие члены их «воображаемого сообщества» — тем самым их «теневого» опыт до некоторой степени легитимизировался. Происходившие в советском обществе «переключения» соответствовали теории Уайта, но с одной оговоркой: разные «сетепространства» в советском обществе могли находиться в конфликтных и даже во взаимоотрицающих отношениях.

По-видимому, уровни доверия в центре и на периферии нелегальных сетей радикально различались. Авторы, готовившие «Хронику текущих событий», доверяли друг другу, но к своим читателям обращались с призывами соблюдать конспирацию:

«Хроника» ни в какой степени не является нелегальным изданием, но условия ее работы стеснены своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах. Поэтому «Хроника» не может, как всякий другой журнал, указать на последней странице свой почтовый адрес. Тем не менее каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет тому, у кого он взял «Хронику», и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача. (Без автора, 1968)

Самиздат в СССР был исключительно разнообразен и по своим формам, и по задачам³³. Только периодических изданий на разных языках в 1956–1986 годах в советском самиздате выходило более 300 (Комароми, 2016). Сегодня изучением самиздата занимаются несколько рабочих групп — в Государственной публичной исторической библиотеке, в Библиотеке Университета Торонто и др. Однако институционально многие аспекты самиздата до сих пор изучены недостаточно: так, до сих пор не слишком хорошо известно, как взаимодействовали редакции самиздатских журналов и перепечатывавшие их машинистки — кроме тех, кто был связан с политическими изданиями³⁴, какой могла быть рецепция самиздатских

33. См.: Zisserman-Brodsky, 2003; Комароми, 2016.

34. Одно из немногих исключений — статья: Дедюлин, 2013. Большую ценность в этом смысле представляет также интервью, взятое руководителем торонтской группы исследователей самиздата Энн Комароми у Льва Мнухина, в 1970-е годы — руководителя разрешенных семинаров по поэзии М. Цветаевой, при которых выходил самиздатский журнал «Все о Цветаевой»: <http://samizdatcollections.library.utoronto.ca/interviews/ru/lev-mnukhin>. См. также об институциональных

публикаций среди разных групп читателей и многое другое. Сегодня эти лакуны заполняют в рамках своего исследовательского проекта социологи литературы Жозефина фон Зицевиц и Геннадий Кузовкин. Так, Зицевиц была первой, кто стал систематически интервьюировать машинисток, перепечатававших самиздатские тексты; ее опросы о распространении самиздата продолжают и сегодня.

Сети независимого распространения информации в советском социуме структурно напоминали будущее информационное общество (еще одна параллель с реальностью, описанной в книгах Кастельса). В 2014 году состоялась премьера документального фильма «Невозможное возможно. В поисках прототипа», снятого в Армении на киностудии «Версус» (сценарист и режиссер — Тигран Паскевичян) и посвященного советскому самиздату. На протяжении всего фильма авторы обсуждают самиздат как особую коммуникационную сеть и с помощью анимационной графики демонстрируют сходство структур распространения самиздата и нынешнего Интернета. Сам Мануэль Кастельс свой интерес к современным медиа вообще и Интернету в особенности связывает с юношеским опытом приобретения и распространения запрещенной литературы в условиях франкистской Испании³⁵.

5

Анатолий Вишневский назвал процессы, разворачивавшиеся в СССР в XX веке, «консервативной модернизацией» (Вишневский, 1998). Эта парадоксальная формулировка очень точна: процессы инфраструктурной модернизации и урбанизации совмещались в СССР с насильственным насаждением архаически-общинных практик вроде организации колхозов, с принижением ценности психологической рефлексии (которая часто сблизалась в публичной риторике с «бесплодным самокопанием» [Кукулин, 2015]), с ограничениями на психологические исследования и трансляцию их результатов в общество (официальный запрет педологии и психоанализа, неписанный запрет на любые формы психотерапии). Совмещение экономической (пусть и очень милитаризированной) модернизации и социальной архаизации, насаждавшейся как новая норма, привело к многолетнему тлеющему конфликту между государственными и микросоциальными структурами и в итоге стало одной из причин краха советского режима (Вишневский, 1998: 181–184).

Разнообразие социальных сетей в позднем СССР — один из лучших примеров (если не самый лучший), чтобы изучать противоборство и симбиоз этих противо-

---

аспектах самиздата в энциклопедии «Самиздат Ленинграда»: Долины, Иванов, Останин, Северюхин, 2003. Некоторые важные методологические проблемы обсуждает в своей рецензии на это издание Андрей Крусанов: Дети Ра. 2004. № 2 (<http://magazines.russ.ru/ra/2004/2/l35.html>).

35. Кастельс, 2016. Еще один вариант подобной работы — книга Роберта Дарнтон «Поэзия и полиция: Сеть коммуникаций в Париже XVIII века» (Darnton, 2012), где автор, опять-таки прямо сопоставляя описываемую им ситуацию с функционированием Интернета, описывает распространение в Париже 1750-х годов сатирических песенок, высмеивавших короля, маркизу де Помпадур и высшую знать.

речащих друг другу тенденций. Вполне легальные социальные формы, характерные для развитого индустриального и постиндустриального общества — такие как клубы любителей фантастики, — сосуществовали с запрещенными сетями самиздата, чьи участники тоже часто были вполне модернизированными по своему сознанию, но эта модернизированность формировалась вопреки, а не благодаря советскому социальному менеджменту, и с «сетями выживания», основанными на обмене услугами «в обход» институциональных правил. Сети третьего типа были по сути архаизирующими, так как сводили экономическую или культурную деятельность к механизмам натурального обмена, при которых экспертная оценка и контрактные отношения подменялись «персонализированным торгом» (анахронистически пользуясь выражением Р. Капелюшника), окрашенным личными отношениями.

Необходимость переключаться между сетями, действующими по «модернизационным» и «архаизирующим» принципам, по-видимому, приводила к развитию принципиально «мозаичных» идентичностей. Для того чтобы лучше понять этот процесс, следует более подробно изучить разнообразие и взаимодействие социальных сетей в позднесоветском обществе. В этой статье я позволил себе ограничиться только постановкой задачи.

Литература

- Без автора. (1968). Год прав человека продолжается // Хроника текущих событий. № 5. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/chr5.htm> (дата доступа: 19.07.2017).
- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма / Пер. с франц. под общей редакцией С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение.
- Великанова Е. М., Еремينا Л. С. (ред.). (1989). Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Книга.
- Вишневецкий А. (1998). Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Волков О. (1989). Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия.
- Гайдар Е. (1990). Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука.
- Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. (2017). Новая имперская история Северной Евразии: в 2 тт. Казань: Ab Imperio.
- Гордин Я. А. (2005). Память и совесть, или Осторожно — мемуары! // Знамя. № 11. С. 192–207.
- Гумеров И. Г., Бустанов А. К., Белич И. В. (2011). Семья Биктимеровых и традиции Накшбандийа в Западной Сибири // Восточные рукописи: Материалы международной научной конференции. Казань: ИЯЛИ АН РТ. С. 148–154.
- Дедюлин С. В. (2013). «Там был город». «Северная почта»: из воспоминаний о реальном сотрудничестве редакции с поэтами и критиками // Жаккар Ж.-Ф., Фридли В., Херльт Й., Казарновский П. (ред.). «Вторая культура». Неофициаль-

- ная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.). СПб.: Росток. С. 94–113.
- Долинин В. Э., Иванов Б. И., Останин Б. В., Северюхин Д. Я.* (2003). Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия. М.: Новое литературное обозрение.
- Дружинин П.* (2016). Идеология и филология: в 3 тт. Т. 3: Дело Константина Азадовского. Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение.
- Живов В. М.* (2009). Дисциплинарная революция и борьба с суевением в России XVIII века: провалы и их последствия // *Прохорова И., Майофис М., Дмитриев А., Кукулин И.* (ред.). Антропология революции. М.: Новое литературное обозрение. С. 327–360.
- Живов В. М.* (2004). Из церковной истории времен Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение.
- Ильф И., Петров Е.* (1961). Человек с гусем // *Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Гослитиздат.
- Каверин В.* (1989). Вместо предисловия // *Великанова Е. М., Еремина Л. С.* (ред.). Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Книга. С. 3–4.
- Капелюшников Р. И.* (2016). «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // *Капелюшников Р. И.* Экономические очерки: Методология. Институты. Человеческий капитал. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 343–364.
- Кастельс М.* (2016). Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич под ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
- Келли К.* (2009). «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960–1970-х годов // *Неприкосновенный запас.* № 2. С. 117–139.
- Козлов Д.* (2015). Неофициальные группы советских школьников 1940–1960-х годов: типология, идеология, практики // *Кукулин И., Майофис М., Сафронов П.* (ред.). Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: Новое литературное обозрение. С. 451–494.
- Козлов С.* (2009). Сообщество выскочек: «субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // *Новое литературное обозрение.* № 100. С. 583–606.
- Козлова Н.* (2005). Советские люди: сцены из истории. М.: Европа.
- Комароми А.* (2016). Цифровые ресурсы для самиздата. База данных «Советская самиздатская периодика» и электронный архив «Исследовательский проект по истории диссидентства и самиздата» // *Acta Samizdatica* (Москва). № 3 (подготовлено на основании изучения коллекции самиздата в Библиотеке Университета Торонто). URL: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/Acta-Samizdatica-Russian> (дата доступа: 19.07.2017).
- Коротков Ю.* (2006). Звездоплаватель // *Если.* № 11. С. 284–288.

- Кринко Е.* (2009). Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945) // Новое литературное обозрение. № 100. С. 494–508.
- Кукулин И.* (2015). «Воспитание воли» в советской психологии и детская литература конца 1940-х — начала 1950-х годов // *Кукулин И., Майофис М., Сафронов П.* (ред.). Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: Новое литературное обозрение. С. 152–190.
- Кукулин И.* (2017). Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 61–85.
- Латур Б.* (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
- Левинсон А.* (2009). Предварительные замечания к рассуждениям о приватном // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 567–582.
- Лейбович О. Л.* (2016а). Новые паттерны партийности: конструирование городских практик в послесталинское десятилетие // Новое литературное обозрение. № 137. С. 91–108.
- Лейбович О. Л.* (2016б). «Война на западе уже началась...»: разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги/Steps. Т. 2. № 1. С. 14–27.
- Липовецкий М.* (2009). Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224–245.
- Лихачев Д. С.* (1965). Четвертое измерение // Литературная газета. 10 июня. С. 3.
- Майофис М.* (2016). Двухпартийная организация и двухпартийная литература? Политическое воображение советских писателей и становление позднесоветской культурной парадигмы (конец 1956 — начало 1957 г.) // *Ab Imperio*. № 3. С. 267–309.
- Майофис М.* (2017). Общество по борьбе с ханжеством: об одной незамеченной тенденции в литературе 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2017. № 143. С. 91–108.
- Майофис М., Кукулин И.* (2016). От составителей [раздела «Институты отепельного общества»] // Новое литературное обозрение. 2016. № 137. С. 11–15.
- Майофис М., Кукулин И.* (2017). Анализ социальных сетей в исторической социологии культуры (на материале советской детской литературы 1954–1957 годов). Препринт SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2981561 (дата доступа: 19.07.2017).
- Мамаев В.* (2000). Ролевое движение в России — истинные правила игры // *Игромания*. № 4. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/000400.htm/> (дата доступа: 19.07.2017).
- Меерович М. Г.* (2008). Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН.
- Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С.* (2011). Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) М.: РОССПЭН.

- Митрохин Н.* (2006). Евреи, грузины, кулаки и золото Страны Советов: книга В.Д. Иванова «Желтый металл» — неизвестный источник информации о позднесталинском обществе // Новое литературное обозрение. № 80. С. 195–220.
- Никипорец-Такигава Г., Паин Э.* (ред.). (2016). Интернет и идеологические движения в России. М.: Новое литературное обозрение.
- Осипов А.* (1981). От Калининграда до Хабаровска: о клубах любителей фантастики в СССР // Техника — молодежи. № 11. С. 10–11.
- Платт К. Ф. М., Натанс Б.* (2010). Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» / Пер. с англ. Н. Мовниной // Новое литературное обозрение. № 101. С. 167–184.
- Погодин Н. А.* (2011). Институт армии в формировании идентичности молодежи российского общества. Дисс. ... канд. соц. наук. Краснодар: Южный федеральный университет.
- Погребинская В. А.* (2016). Формирование принципов мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны // *Худокормов А. Г., Погребинская В. А.* (ред.). Первая мировая война: влияние на экономику России и мира. М.: МГУ. С. 19–31.
- Проди П.* (2017). История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / Пер. с ит. И. Кушнарёвой; пер. с лат. А. Апполонова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Серто М. де.* (2013). Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с франц. Д. Калугина и Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Синявский А.* (1960). Без скидок: о современном научно-фантастическом романе // Вопросы литературы. № 1. С. 45–59.
- Травин Д.* (2012). СССР: от мифов к фактам. [Статья] 2. «Народ и партия едины, но ходят в разные магазины...» // Звезда. № 2. С. 156–172.
- Уртман Р. С.* (2004). Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Пер. с англ. М. Л. Долбилова и Ф. Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение.
- Урри Дж.* (2012). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
- Хархордин О.* (2016). Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Ходий В.* (2016). Защита «Горбатого дома»: как в Иркутске более полувека назад зарождалось движение в защиту памятников истории и культуры // Губерния (Иркутск). 2016. 23 августа. URL: <http://www.vsp.ru/social/2016/08/23/564889> (дата доступа: 19.07.2017).
- Чертков А.* (1983). Великое кольцо // Кораблестроитель (многотиражка Николаевского Кораблестроительного института). 18 ноября. С. 2.
- Чуковская Л.* (2010). Памяти Фриды // Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. М.: Время. С. 609–697.

- Эггелинг В. (1999). Политика и культура при Хрущеве и Брежнев / Пер. с нем. М. Молчанова. М.: Аиро-XXI.
- Юрчак А. (2016). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Barnes J. A. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. Vol. 7. P. 39–58.
- Borgatti S. P., Lopez-Kidwell V. (2008). Network Theory // *Greenwood R., Oliver Ch., Sahlin K., Suddaby R.* (eds.). *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. London: SAGE. P. 43–47.
- Bruhn J. C. (2011). *The Sociology of Community Connections*. Dordrecht: Springer.
- Burbank J. (2004). *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington: Indiana University Press.
- Canter D., Alison L. (2000). *The Social Psychology of Crime: Groups, Teams and Networks*. Aldershot: Ashgate.
- Castells M. (2015). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. London: Polity Press.
- Castells M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Cheloukhine S., Haberfeld M. R. (2011). *Russian Organized Corruption Networks and their International Trajectories*. Dordrecht: Springer.
- Craik K. H. (2009). *Reputation: A Network Interpretation*. Oxford: Oxford University Press.
- Crawford S. E. S., Ostrom E. (1995). A Grammar of Institutions // *American Political Science Review*. Vol. 89. № 3. P. 582–600.
- Crooke M., Lawrence B. W. (eds.) (2005). *Muslim Networks: From Hajj to Hip-Hop*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Darnton R. (2012). *Poetry and the Police: Communication Networks in Eighteenth-Century Paris*. Cambridge: Harvard University Press.
- DeHaan H. D. (2013). *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power*. Toronto: University of Toronto Press.
- Doucette C. (2016). Norton Dodge in Lianozovo: Transnational Collaboration and the Making of the Soviet Unofficial Artist // *Fainberg D., Kalinovsky A.* (eds.). *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange*. Lanham: Lexington Books. P. 147–162.
- Emirbayer M. (1997). Manifesto for a Relational Sociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 103. № 2. P. 281–317.
- Ikegami E. (2005). *Bonds of Civility: Aesthetic Networks and the Political Origins of Japanese Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fainsod M. (1963). *How Russia is Ruled*. Cambridge: Harvard University Press.
- Fischer C. (1982). What Do We Mean By «Friend»? An Inductive Study // *Social Networks*. Vol. 3. № 4. P. 287–306.
- Fuhse J.A. (2009). The Meaning Structure of Social Networks // *Sociological Theory*. Vol. 27. № 1. P. 51–73.

- Fürst J. (2010). *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Fürst J. (2014). Love, Peace and Rock'n'Roll on Gorky Street: The "Emotional Style" of the Soviet Hippie Community // *Contemporary European History*. Vol. 23. № 2. P. 565–587.
- Fürst J. (2016). If You're Going to Moscow, Be Sure to Wear Some Flowers in Your Hair (and Bring a Bottle of Port Wine in Your Pocket): The Soviet Hippie «Sistema» and Its Life in, Despite, and with «Stagnation» // *Fainberg D., Kalinovsky A.* (eds.). *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange*. Lanham: Lexington Books. P. 123–146.
- Fürst J. (2018). *Flowers Through Concrete: Exploration in the Soviet Hippieland*. Oxford: Oxford University Press. (В печати)
- Garros V., Korenevskaya N., Lahusen T. (eds.). (1995). *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. New York: New Press.
- Gorham M., Lunde I., Paulsen M. (eds.). (2014). *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media*. Abingdon: Routledge.
- Gorsky Ph. (2003). *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press.
- Granovetter M.S. (1973). The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380.
- Kadushin Ch. (2012). *Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings*. Oxford: Oxford University Press.
- Kononenko V. (2011). Introduction // *Kononenko V., Moshes A.* (eds.). *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* London: Palgrave Macmillan. P. 1–18.
- LaPierre B. (2012). *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Leavitt H. J. (1951). Some Effects of Certain Communication Patterns on Group Performance // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 46. P. 38–50.
- Ledeneva A. V. (1998). *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva A. (2006). *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ledeneva A. (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lipovetsky M. (2011). *Charms of the Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture*. Boston: Academic Studies Press.
- Mikkonen S. (2016). Changing Dynamics: From International Exchanges to Transnational Musical Networks // *Fainberg D., Kalinovsky A.* (eds.). *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange*. Lanham: Lexington Books. P. 163–184.

- Ostrom V., Tiebout C.M., Warren R.* (1961). The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry // *American Political Science Review*. Vol. 55. P. 831–842.
- Ostrom V.* (1972). Polycentricity. Prepared for delivery at the 1972 Annual Meeting of the American Political Science Association, Washington Hilton Hotel, Washington, D.C., September 5–9. URL: <https://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/3763/vostroo4.pdf> (дата доступа: 19.07.2017).
- Oushakine S. A.* (2009). *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Prandini R.* (2015). Relational Sociology: A Well-Defined Sociological Paradigm or a Challenging “Relational Turn” in Sociology? // *International Review of Sociology*. Vol. 25. № 1. P. 1–14.
- Rechitski R.* (2014). Trust Networks, Human Security, the Determinants of Migration Decisions: The Case of Global Refugees in Ukraine // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 12. № 4. P. 599–612.
- Rossmann J.* (2005). *Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor*. Cambridge: Harvard University Press.
- Samuelson L.* (2011). *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900s–1950s*. New York: Palgrave Macmillan.
- Stegbauer Chr.* (Hrsg.) (2010). *Netzwerkanalyse und Netzwerktheorie: Ein neues Paradigma in den Sozialwissenschaften*. Dordrecht: Springer, 2010.
- Werth N.* (2001). Defeatist and Apocalyptic Rumors in the 1920s and 1930s in the Former Soviet Union (USSR) // *Vingtième Siècle*. № 3. P. 25–35.
- White H.* (2008). *Identity and Control: How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press.
- Yeung K.-T.* (2005). What Does Love Mean? Exploring Network Culture in Two Network Settings // *Social Forces*. Vol. 84. P. 391–420.
- Yurchak A.* (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.
- Zisserman-Brodsky D.* (2003). *Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, Deprivation, and the Rise of Ethnic Nationalism*. New York: Palgrave Macmillan.

“Pro-disciplinary” and “Anti-disciplinary” Networks in Late Soviet Society

Ilya Kukulin

PhD, Assistant Professor, Department of the Humanities, School of Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: ikukulin@hse.ru

This article is aimed at revealing a kind of methodological narrowness in the descriptions of social networks in Soviet society. In sociological research, the term “social network” usually refers to a complex of close and distant acquaintances that connect people in a certain geographical locality, and/or in a certain social cluster. However, if regarding the studies of Soviet and post-Soviet society, sociologists and political scientists usually use this term referring to the networks of corruption, coat-tails, a shady economy, etc., that “corrode” modern social and political institutes, hindering modernization. These can also refer to the secret networks of samizdat and dissidence in the 1960–70s. All of these networks can be defined as “anti-disciplinary”. Apparently, in both the late Soviet and post-Soviet societies, networks of different types existed, and examples of these are described in the article. Nevertheless, all other networks aside from the “anti-disciplinary” ones are studied significantly less, and were never studied systematically. There are at least two types of causes that have entailed this “blind spot”. The “hidden” networks in the late Soviet and post-Soviet societies were and are of great political significance and of a specific organization; thus, they are considered as structures unavoidable for the understanding of Russia’s social dynamics and power relations. Secondly, Soviet society was based on a very complicated combination of modernizing and “archaizing” trends. This tension can be designated as “conservative modernization”, as coined by the demographer Anatoly Vishnevsky. A study of the interrelation between “pro-disciplinary” and “anti-disciplinary” networks demands a reconsideration of some the basic theses of the theory of social networks. Here, I use Harrison White’s theory in order to demonstrate the limits of its applicability to late Soviet society.

Keywords: social networks, late Soviet society, blat, shady economy, Harrison White, disciplinary state, conservative modernization

References

- Barnes J. A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, vol. 7, pp. 39–58.
- Boltanski L., Chiapello È. (2011) *Novy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism], Moscow: New Literary Observer.
- Borgatti S. P., Lopez-Kidwell V. (2008) Network Theory. *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism* (eds. R. Greenwood, Ch. Oliver, K. Sahlin, R. Suddaby), London: SAGE, pp. 43–47.
- Bruhn J. C. (2011) *The Sociology of Community Connections*, Dordrecht: Springer.
- Burbank J. (2004) *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*, Bloomington: Indiana University Press.
- Canter D., Alison L. (2000) *The Social Psychology of Crime: Groups, Teams and Networks*, Aldershot: Ashgate.
- Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, London: Polity Press.
- Castells M. (2016) *Vlast' komunikatsii* [Communication Power], Moscow: HSE Press.
- Cheloukhine S., Haberfeld M. R. (2011) *Russian Organized Corruption Networks and their International Trajectories*, Dordrecht: Springer.
- Chertkov A. (1983) Velikoe koltso [The Great Ring]. *Korablestroitel*, November 18, pp. 2.
- Chukovskaja L. (2010) Pamjati Fridy [To the Memory of Frida]. *Iz dnevnika. Vospominaniia* [From a Diary. Memoirs], Moscow: Vremia, pp. 609–697.
- Craik K. H. (2009) *Reputation: A Network Interpretation*, Oxford: Oxford University Press.
- Crawford S. E. S., Ostrom E. (1995) A Grammar of Institutions. *American Political Science Review*, vol. 89, no 3, pp. 582–600.
- Crooke M., Lawrence B.W. (eds.) (2005) *Muslim Networks: From Hajj to Hip-Hop*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Darnton R. (2012) *Poetry and the Police: Communication Networks in Eighteenth-Century Paris*, Cambridge: Harvard University Press.
- Dediulin S. V. (2013) “Tam byl gorod”. “Severnaja pochta”: iz vospominanij o real'nom sotrudnichestve redaktsii s pojetami i kritikami [“There Was the City”. “The Northern Post”

- Samizdat Journal: From the Memoirs on the Editorial Board's Real Collaboration with Poets and Critics]. "Vtoraja kul'tura": *neoficial'naja poezija Leningrada v 1970–1980-e gody: materialy mezhdunarodnoj konferencii* (Geneva, 1–3 marta 2012 g.) ["Second Culture": Leningrad Unofficial Poetry of the 1970–80s] Proceedings of International Conference (Geneva, March 1–3, 2012)] (eds. J.-Ph. Jaccard, V. Friedli, J. Herlth, P. Kazarnovsky), Saint Petersburg: Rostok, pp. 94–113.
- DeHaan H. D. (2013) *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power*, Toronto: University of Toronto Press.
- Dolinin V., Ivanov B., Ostanin B., Severukhin D. (2003) *Samizdat Leningrada: 1950-e — 1980-e. Literaturnaja enciklopediia* [Samizdat of Leningrad: 1950–80s: The Literary Encyclopedia] (ed. D. Severukhin), Moscow: New Literary Observer.
- Doucette C. (2016) Norton Dodge in Lianozovo: Transnational Collaboration and the Making of the Soviet Unofficial Artist. *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange* (eds. D. Fainberg, A. Kalinovsky), Lanham: Lexington Books, pp. 147–162.
- Druzhinin P. (2016) *Ideologija i filologija. T. 3: Delo Konstantina Azadovskogo. Dokumental'noe issledovanie* [Ideology and Philology, Vol. 3: Investigative Vase of Konstantin Azadovsky], Moscow: New Literary Observer.
- Eggeling W. (1999) *Politika i kul'tura pri Hrushheve i Brezhneve* [The Soviet Literary Policy between 1953 and 1970: Between Emancipation and Continuity], Moscow: Airo-XXI.
- Emirbayer M. (1997) Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*, vol. 103, no 2, pp. 281–317.
- Fainsod M. (1963) *How Russia is Ruled*, Cambridge: Harvard University Press.
- Fischer C. (1982) What Do We Mean by "Friend"? An Inductive Study. *Social Networks*, vol. 3, no 4, pp. 287–306.
- Fuhse J. A. (2009) The Meaning Structure of Social Networks. *Sociological Theory*, vol. 27, no 1, pp. 51–73.
- Fürst J. (2010) *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*, Oxford: Oxford University Press.
- Fürst J. (2014) Love, Peace and Rock'n'Roll on Gorky Street: The "Emotional Style" of the Soviet Hippie Community. *Contemporary European History*, vol. 23, no 2, pp. 565–587.
- Fürst J. (2016) If You're Going to Moscow, Be Sure to Wear Some Flowers in Your Hair (and Bring a Bottle of Port Wine in Your Pocket): The Soviet Hippie "Sistema" and Its Life in, Despite, and with "Stagnation". *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange* (eds. D. Fainberg, A. Kalinovsky), Lanham: Lexington Books, pp. 123–146.
- Fürst J. (2018) *Flowers Through Concrete: Exploration in the Soviet Hippieland*, Oxford: Oxford University Press (forthcoming).
- Gaidar E. (1990) *Ekonomicheskie reformy i ierarhicheskie struktury* [Economic Reforms and Hierarchical Structures], Moscow: Nauka.
- Garros V., Korenevskaya N., Lahusen T. (eds.) (1995) *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*, New York: New Press.
- Gerasimov I., Mogilner M., Glebov S. (2017) *Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii* [New Imperial History of North Eurasia], Kazan: Ab Imperio.
- Anonymous (1968) God prav cheloveka prodolzhaetsia [The Year of the Human Rights is Going On]. *Khronika tekushchikh sobytii*, no 5. Available at: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (accessed 19 July 2017).
- Gordin I. (2005) Pamjat' i sovest', ili Ostorozhno — memuary! [Memory and Conscience; or, Careful! Memoirs!]. *Znamia*, no 11, pp. 192–207.
- Gorham M., Lunde I., Paulsen M. (eds.) (2014) *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media Communication*, Abingdon: Routledge.
- Gorsky Ph. (2003) *The Disciplinary Revolution. Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*, Chicago: University of Chicago Press.
- Granovetter M. S. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no 6, p. 1360–1380.
- Gumerov I., Bustanov A., Belich I. (2011) Sem'ja Biktimerovyh i tradicii Nakshbandija v Zapadnoj Sibiri [The Biktimerovs Family and Naqshbandiya Traditions in Western Siberia]. *Vostochnye*

- rukopisi: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii*. [Oriental Manuscripts: Proceedings of an International Academic Conference], Kazan: IJaLI AN RT, pp. 148–154.
- Ikegami E. (2005) *Bonds of Civility: Aesthetic Networks and the Political Origins of Japanese Culture*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ilf I., Petrov E. (1961) *Chelovek s gusem* [A Man with a Gander]. *Sobranie sochinenii. Tom 3* [Collected Works, Vol. 3], Moscow: Goslitzdat.
- Kadushin Ch. (2012) *Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings*, Oxford: Oxford University Press.
- Kapeliushnikov R. (2016) "Gde nachalo togo konca?.." (k voprosu ob okonchanií perehodnogo perioda v Rossii) ["Where is beginning of an end, that..."] (Regarding the Termination of Transition Period in Russia). *Ekonomicheskie ocherki: Metodologija. Instituty. Chelovecheskii kapital* [Economical Essays: Methodology. Institutes. Human Capital], Moscow: HSE Press, pp. 343–364.
- Kaverin V. (1989) *Vmesto predísloviia* [Instead of a Foreword]. *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinjavskogo i Danielja* [Price of a Metaphor; or, Crime and Punishment of Sinyavsky and Daniel] (eds. E. Velikanova, L. Eremina), Moscow: Kniga, pp. 3–4.
- Kelly C. (2009) "Ispravljat' li istoriju? Spory ob ohrane pamjatnikov v Leningrade 1960–1970-kh godov [Is There Need to "Repair" History? Discussions on the "Protection of Cultural Heritage" in Leningrad of the 1960–70s]. *Neprikosnovenny zapas*, no 2, p. 117–139.
- Kharkhordin O. (2016) *Oblichat' i licemerit': genealogija rossijskoj lichnosti* [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Khodii V. (2016) *Zashchita "Gorbatogo doma": kak v Irkutské bolee poluveka nazad zarozhdalos' dvizhenie v zashchitu pamjatnikov istorii i kul'tury* [Protection of the "Hunchbacked House": How Movement for Protection of Cultural Heritage was Emerging in Irkutsk a Half of Century Ago]. *Guberniia (Irkutsk)*, August 23. Available at: <http://www.vsp.ru/social/2016/08/23/564889> (accessed 19 July 2017).
- Komaromi A. (2016) *Cifrovye resursy dlja samizdata. Baza dannyh «Sovetskaja samizdat'skaja periodika» i jelektronnyj arhiv "Issledovatel'skij proekt po istorii dissidentstva i samizdata"* [Digital Resources for History of Samizdat: Database "Soviet Samizdat Periodicals" and the Electronic Archive "Project for the Study of Dissidence and Samizdat"]. *Acta Samizdatica*, no 3, p. 17–26.
- Kononenko V. (2011) Introduction. *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* (eds. V. Kononenko, A. Moshes), London: Palgrave Macmillan, pp. 1–18.
- Korotkov Yu. (2006) *Zvezdoplavatel'* [Star Wanderer]. *Esli*, no 11, pp. 284–288.
- Kozlov D. (2015) *Neoficial'nye gruppy sovetskih shkol'nikov 1940–1960-h godov: tipologija, ideologija, praktiki* [Unofficial Groups among the Soviet Schoolchildren: Typology, Ideology, Practices]. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of Post-War School (1940–80s)] (eds. M. Mayofis, P. Safronov, I. Kukulin), Moscow: New Literary Observer, pp. 451–494.
- Kozlov S. (2009) *Soobshhestvo vyskochek: "subjektivnyj factor" reformy vysshego obrazovanija vo Francii jepohi Vtoroi imperii* [A Community of Parvenues: The "Subjective Factor" in the Reform of Higher Education During the Second Empire in France]. *New Literary Observer*, no 100, pp. 583–606.
- Kozlova N. (2005) *Sovetskie ljudi: sceny iz istorii* [The Soviet People: Scenes from History], Moscow: Evropa.
- Krinko E. (2009) *Neformal'naja kommunikacija v "zakrytom" obshhestve: sluhi voennogo vremeni (1941–1945)* [Informal Communications in a "Closed" Society: Wartime Rumours (1941–1945)]. *New Literary Observer*, no 100, pp. 494–508.
- Kukulin I. (2015) *"Vospitanie voli" v sovetskoj psikhologii i detskaia literatura kontsa 1940-kh — nachala 1950-kh godov* ["Training the Will" in Soviet Psychology and Children's Literature of the Late 1940s—Early 1950s]. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of Post-War School (1940–80s)] (eds. M. Mayofis, P. Safronov, I. Kukulin), Moscow: New Literary Observer, pp. 152–189.
- Kukulin I. (2017) *Periodika dlja ITR: sovetskie nauchno-populjarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnosovetskoj nauchno-tehnicheskoi intelligencii* [Periodicals for Engineers:

- Soviet Popular Science Journals and the Shaping of the Late-Soviet Scientific and Technical Intelligentsia's Interests]. *New Literary Observer*, no 145, pp. 61–85.
- LaPierre B. (2012) *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE Press.
- Leavitt H. J. (1951) Some Effects of Certain Communication Patterns on Group Performance. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 46, pp. 38–50.
- Ledeneva A. (2006) *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*, Ithaca: Cornell University Press.
- Ledeneva A. V. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva A. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Levinson A. (2009) Predvaritel'nye zamechanija k rassuzhdenijam o privatnom [Introductory Remarks Towards a Discourse on the Private]. *New Literary Observer*, no 100, pp. 567–582.
- Leybovich O. (2016) Novye patterny partijnosti: konstruirovanie gorodskih praktik v poslestalinskoe desjatiletie [New Party-Belonging Patterns: The Construction of Urban Practices in the Post-Stalin Decade]. *New Literary Observer*, no 137, pp. 91–108.
- Leybovich O. (2016) "Vojna na zapade uzhe nachalas'..": razgovory 1939 g. v barakah, tjur'mah i ocheredjah ["A War in the West has already begun": 1939 Talks in Barracks, Prisons and Queues]. *Shagi/Steps*, vol. 2, no 1, pp. 14–27.
- Likhachev D.S. (1965) Chetvertoe izmerenie [Fourth Dimension]. *Literaturnaya gazeta*, June, no 10, p. 3.
- Lipovetsky M. (2009) Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [Trickster and the "Closed Society"]. *New Literary Observer*, no 100, p. 224–245.
- Lipovetsky M. (2011) *Charms of the Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture*, Boston: Academic Studies Press.
- Mamaev V. (2000) Rolevoe dvizhenie v Rossii — istinnye pravila igry [Role-Playing Game Movement in Russia: Real Rules of the Game]. *Igromania*, no 4. Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/000400.htm/> (accessed 19 July 2017).
- Mayofis M. (2016) Dvukhpartijnaja organizatsija i dvuhpartijnaja literatura? Politicheskoe voobrazhenie sovetskih pisatelei i stanovlenie pozdnesovetskoj kul'turnoi paradigmy (konec 1956 — nachalo 1957 gg.) [Two-Party Organization and Two-Party Literature? Political Imagery of Soviet Writers and Formation of the Late Soviet Cultural Paradigm (End of 1956 — Beginning of 1957)]. *Ab Imperio*, no 3, pp. 267–309.
- Mayofis M. (2017) Obshchestvo po bor'be s hanzhestvom: ob odnoj nezamechennoj tendencii v literature 1950-h godov [Society for the Struggle Against Boorishness: On an Overlooked Tendency in 1950s Literature]. *New Literary Observer*, no 143, pp. 91–108.
- Mayofis M., Kukulin I. (2016) Ot sostavitelei [razdela "Instituty otpepel'nogo obshchestva"] [From the Guest Editors of the Section "Institutes of the Thaw Society"]. *New Literary Observer*, no 137, pp. 11–15.
- Mayofis M., Kukulin I. (2017) Analiz social'nykh setej v istoricheskoi sociologii kul'tury (na materiale sovetskoj detskoj literatury 1954–1957 godov) [Social Networks Analysis in Historical Sociology of Culture: Case Study of Soviet Children's Literature in 1954–57]. SSRN preprint. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2981561 (accessed 19 July 2017).
- Meerovich M. (2008) *Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaja politika v SSSR kak sredstvo upravlenija ljud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment with Dwelling: Housing Policy in the USSR as Means of Social Management (1917–1937)], Moscow: ROSSPEN.
- Meerovich M., Konyshcheva E., Khmel'nitsky D. (2011) *Kladbishhe sotsgorodov: gradostroitel'naja politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR (1928–1932)], Moscow: ROSSPEN.

- Mikkonen S. (2016) Changing Dynamics: From International Exchanges to Transnational Musical Networks. *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange* (eds. D. Fainberg, A. Kalinovsky), Lanham: Lexington Books, pp. 163–184.
- Mitrokhin N. (2006) Evrei, gruziny, kulaki i zoloto Strany Sovetov: kniga V. D. Ivanova "Zheltyj metal" — neizvestnyj istochnik informacii o pozdnestalinskom obshchestve [The Jews, Georgians, Oppressed Peasants and the Soviet Gold: Valentin Ivanov's Book "Yellow Metal" — an Unknown Source of Information on the Late Stalinist Society]. *New Literary Observer*, no 80, pp. 195–220.
- Nikiporets-Takigawa G., Pain E. (eds.) (2016) *Internet i ideologicheskie dvizhenija v Rossii* [Internet and Ideological Movements in Russia], Moscow: New Literary Observer.
- Osipov A. (1981) Ot Kaliningrada do Habarovska: o klubakh ljubitelej fantastiki v SSSR [From Kaliningrad to Khabarovsk: On the Sci-Fi Fan Clubs in the USSR]. *Tekhnika — molodezhi*, no 11, pp. 10–11.
- Ostrom V. (1972). *Polycentricity*. Prepared for delivery at the 1972 Annual Meeting of the American Political Science Association, Washington Hilton Hotel, Washington, D.C., September 5–9. Available at: <https://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/3763/vostro04.pdf> (accessed 19 July 2017).
- Ostrom V., Tiebout C.M., Warren R. (1961) The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, vol. 55, pp. 831–842.
- Oushakine S. A. (2009) *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*, Ithaca: Cornell University Press.
- Platt K. F. M., Natans B. (2010) Sotsialisticheskaia po forme, neopredelennaja po sodержaniuu: pozdnesovetskaia kul'tura i kniga Alekseja Jurchaka "Vse bylo navechno, poka ne konchilos'" [Socialist in Form, Indeterminate in Content: Late Soviet Culture and Alexei Yurchak's *Everything Was Forever, Until It Was No More*]. *New Literary Observer*, no 101, pp. 167–184.
- Pogodin N.A. (2011) *Institut armii v formirovanii identichnosti molodezhi rossijskogo obshchestva* [The Army as an Institute for Construction of Russia's Youth's Identity] (PhD Dissertation), Krasnodar: South Federal University.
- Pogrebinskaya V. (2016) Formirovanie printsipov mobilizacionnoj jekonomiki v gody Pervoj mirovoj vojny [Emergence of Principles of Mobilization Economy in the Years of the First World War]. *Pervaja mirovaia vojna: vliianie na ekonomiku Rossii i mira* [The First World War: Impact on World and Russia's Economy] (eds. A. Khudokormov, V. Pogrebinskaya), Moscow: MSU, pp. 19–31.
- Prandini R. (2015) Relational Sociology: A Well-Defined Sociological Paradigm or a Challenging "Relational Turn" in Sociology? *International Review of Sociology*, vol. 25, no 1, pp. 1–14.
- Prodi P. (2017). *Istorija spravedlivosti: ot pljuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti i prava* [A Story of Justice: From Pluralism of Forums to Modern Dualism of Conscience and Law], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Rechitski R. (2014) Trust Networks, Human Security, the Determinants of Migration Decisions: The Case of Global Refugees in Ukraine. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no 4, pp. 599–612.
- Samuelson L. (2011) *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900–1950s*, New York: Palgrave Macmillan.
- Serto M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Practice of Everyday Life, Vol. 1: The Art of Doing], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Sinyavsky A. (1960) Bez skidok: o sovremennom nauchno-fantasticheskom romane [Without Discount: On Contemporary Science-Fiction Novel]. *Voprosy literatury*, no 1, pp. 45–59.
- Stegbauer Chr. (ed.) (2010) *Netzwerkanalyse und Netzwerktheorie: Ein neues Paradigma in den Sozialwissenschaften*, Dordrecht: Springer.
- Travin D. (2012) SSSR: ot mifov k faktam. [Stat'ja] 2. "Narod i partija ediny, no hodjat v raznye magaziny..." [The USSR: From Myths to Facts. Article 2. "The People and the Party are At One But Visits the Different Stores"]. *Zvezda*, no 2, pp. 156–172.
- Urry J. (2012) *Sociologija za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century], Moscow: HSE Press.
- Velikanova E., Eremina L. (eds.) (1989) *Cena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinjavskogo i Danijelja* [Price of a Metaphor; or, Crime and Punishment of Sinyavsky and Daniel], Moscow: Kniga.

- Vishnevsky A. (1998) *Serp i rubl': konservativnaja modernizacija v SSSR* [A Snake and a Rouble: Conservative Modernization in the USSR], Moscow: OGI.
- Volkov O. (1989) *Pogruzhenie vo t'mu* [Sinking into Darkness], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Werth N. (2001) Defeatist and Apocalyptic Rumors in the 1920s and 1930s in the Former Soviet Union (USSR). *Vingtième Siècle*, no 3, pp. 25–35.
- White H. (2008) *Identity and Control: How Social Formations Emerge*, Princeton: Princeton University Press.
- Wortman R.S. (2004) *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniia v imperatorskoj Rossii* [Rulers and Judges: The Development of a Russian Legal Consciousness], Moscow: New Literary Observer.
- Yeung K.-T. (2005) What Does Love Mean? Exploring Network Culture in Two Network Settings. *Social Forces*, vol. 84, pp. 391–420.
- Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Princeton: Princeton University Press.
- Yurchak A. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow: New Literary Observer.
- Zhivov V. (2004) *Iz cerkovnoj istorii vremen Petra Velikogo* [From the Orthodox Church History of Peter the Great's Epoch], Moscow: New Literary Observer.
- Zhivov V. (2009) *Disciplinarnaia revoliuciia i bor'ba s sueveriem v Rossii XVIII veka: provaly i ih posledstvija* [Disciplinary Revolution and Fight with Superstition in 18th Century Russia]. *Antropologija revoliucii* [Anthropology of Revolution] (eds. I. Prokhorova, M. Mayofis, A. Dmitriev, I. Kukulin), Moscow: New Literary Observer, pp. 327–360.
- Zisserman-Brodsky D. (2003) *Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, Deprivation, and the Rise of Ethnic Nationalism*, New York: Palgrave Macmillan.